

Илья Шуличенко

Цена истины

18+

Илья Шуличенко

Цена истины

«Автор»

2026

Шуличенко И.

Цена истины / И. Шуличенко — «Автор», 2026

Этот роман о дружбе и предательстве, о том, как жажда истины может привести к самым неожиданным последствиям и заставить взглянуть на мир и самих себя по-новому, о проблемах общества — жажде власти, одиночестве — где вера и истина переплетаются с сомнениями и ложью, и, конечно же, о любви. Профессор Джеймс Кровис всегда стремился приподнять завесу над главной тайной мироздания, но вместо ответов он оказывается втянутым в сложную сеть загадок и человеческих отношений, которые изменят его жизнь раз и навсегда.

© Шуличенко И., 2026

© Автор, 2026

Содержание

Глава 1	5
Глава 2	11
Глава 3	20
Глава 4	28
Глава 5	35
Конец ознакомительного фрагмента.	40

Илья Шуличенко

Цена истины

Глава 1

ПРЕДНАЧЕРТАННЫЙ ВЫБОР

Память возвращала его туда снова и снова, как на исповедь. Это произошло во время литургии в соборе Святой Сюзанны. Вдруг у Джеймса внезапно подкосились ноги, и он упал на холодный каменный пол. Одиннадцать часов без сознания. После этого начались странные сны и знаки...

Дверь с силой распахнулась, нарушив библиотечную тишину. Вместе с порывом ветра в помещение ворвался шум проливного дождя, а воздух мгновенно наполнился терпким, густым запахом мокрой земли и гниющих листьев.

— Джеймс! Я так и знал, что ты здесь. Пошли, все уже ждут, — в охрипшем голосе Мэтью смешалось нетерпение и легкое раздражение.

Джеймс даже глаз не поднял от пожелтевших страниц. Его палец продолжал медленно скользить по выцветшим строкам рукописи.

— Совсем немного осталось, Мэт, — пробормотал он. Его черные, как смола, волосы беспорядочно падали на лоб, оттеняя болезненную бледность кожи. Лицо профессора было изможденное и почти аскетичное. Он похудел и почти не спал с тех пор, как привез эту книгу — пиджак на нем уже висел мешком.

Джеймс Кровис и Мэтью Тислоу были друзьями с детства. Их пути разошлись, когда Мэт уехал учиться в семинарию, а Джеймс остался в Раудэрвиле, окончив обычную городскую школу. Но дружба их не угасла — все эти годы они поддерживали связь. После учебы Мэтью вернулся в приход Святого Илая, где стал помощником пастора Брэдли.

Джеймс Кровис всю свою жизнь посвятил исследованиям: он мог работать с утра до поздней ночи, забывая о сне, не замечая, как пролетает время. Эта одержимость принесла ему славу: он расшифровывал редчайшие манускрипты, а в 43 года стал профессором, которого звали работать в лучшие университеты мира. Но Джеймс отказался от кафедр. Он считал, что ученый может принести максимум пользы науке, только являясь по-настоящему свободным. Его истинным призванием были поиски нового, находящегося за границами неизвестного. Уважая официальные методы, он смело смотрел за их край — туда, где формулы бессильны перед вопросами о душе, сознании и истоках мироздания. В отличие от коллег, довольствовавшихся общепринятыми теориями, Джеймс верил, что истина парадоксальнее. Он был убежден: древние цивилизации обладали глубинными знаниями, которые современная наука лишь смутно предугадывает. Его интерес к эзотерике был не слепым увлечением, а методом. С упорством детектива он изучал герметизм, оккультные тексты и древние символы, веря, что в них скрыты утраченные ключи к устройству вселенной.

И в этот раз он сидел за древней книгой, которую никто не открывал столетиями... Вопросом его жизни было доказательство существования высшего разума — не как абстрактной идеи, а как научной гипотезы. И сейчас ему казалось, что он нашел его след. Здесь, в этих артефактах и текстах.

Мэтью тяжело вздохнул и сделал шаг вперед. Внезапно его взгляд упал на раскрытую страницу, после чего он замер. На пожелтевшем пергаменте был изображен странный рисунок, напоминающий гипнотический узор.

— Погоди... это же, — Мэтью крепко сжал край столешницы и от напряжения его пальцы побелели.

— Знаки из моих снов? — Джеймс закончил за него, не отрываясь от записи. В его голосе звучала смесь триумфа и тревоги. — Да, эти же символы я видел там, на фресках собора, в этой книге и теперь в моих снах! Мэтью, пойми, все это — части единого целого. И я обязан выяснить, что они означают.

Мэтью, выдвинув стул, сел напротив друга.

— Но как?.. Эту рукопись нашли совсем недавно! — и его слова повисли в тишине, нарушаемой только яростным стуком дождя в стекло.

Джеймс медленно снял очки и потер переносицу. Его глаза на мгновение встретились с полными тревоги глазами друга, а затем уперлись в окно, за которым бушевала тьма. Ливень хлестал по стеклам, а молнии на мгновение обнажали скрюченные, почти оскаленные силуэты старых деревьев.

— Мэт, пожалуйста, попроси Фрэнка быть у выхода через двадцать минут. Мне нужно успеть на последний поезд в Стэтлэнд, я еду в собор Святой Сюзанны.

— В такую погоду? — Мэтью резко скрестил руки на груди, его брови поползли вверх. — Да ты с ума сошел! Остайся до утра. Завтра Фрэнк тебя довезет — он как раз в город собирается.

— Я не могу ждать. — Джеймс повернулся. В его изможденном взгляде, в резкой линии сжатых губ горела непоколебимая, пугающая решимость. — Завтра вечером мне нужно быть в соборе. У меня мало времени.

В горле Мэтью встал ком. В эту минуту он вновь вспомнил Джеймса бледного, распростертого на полу того собора, а вокруг — равнодушные, каменные лица служителей, даже не склонившихся к упавшему.

— Одиннадцать часов без сознания! Джеймс, послушай меня, — голос священника стал тихим, почти молящим. Он сделал шаг и положил руку на плечо друга. — То, что случилось с тобой там... это было не просто падение. Врачи говорили «кома неясного генеза», а эти... эти люди даже не вызвали скорую сразу! Ты вернулся другим. Это место изменило тебя.

— Оно не изменило, Мэт. Оно открыло. Ты и сам видел заключение врачей. Со мной все в порядке. Физически я абсолютно здоров. Значит, ответ — там, — резко перебил Джеймс и провел ладонью по странице, будто ощупывая рельеф символов. — Это ключ, который я искал всю свою сознательную жизнь. И все это время я топчусь на месте! И вот сейчас я близок к разгадке.

Джеймс ударил кулаком по книге. Глухой стук прокатился по тихой библиотеке.

— Ты рискуешь собой! Ради чего? Символов? — Мэтью покачал головой, и в его глазах мелькнула грусть. — Джеймс, я молюсь за тебя каждый день. Но твои поиски... они как бег по кругу. Ты и сам это говорил.

— Если это круг, — прошептал Джеймс, наклоняясь так близко, что Мэтью почувствовал запах старой бумаги и пота, — то он замыкается там. В соборе. Сны и знаки начались после той литургии. Они ведут меня обратно. Это не совпадение. Это мой маршрут. И цена теперь не имеет значения.

Свет лампы дрогнул, мигнув в такт далекому раскату грома. Мэтью смотрел на друга и внутри у него все сжималось от тяжелого, холодного предчувствия. Перед ним был уже не тот парнишка, с которым они в детстве лазили по заброшенным складам. Это был фанатик с глазами пророка и тенью одержимости в каждом жесте. Спорить было бесполезно.

— Делай что хочешь, — тихо сказал Мэтью. Его плечи сгорбились под невидимой тяжестью. — Но знай: я буду молиться. Не за твое открытие, а за твою душу, Джеймс. Она мне дороже всех тайн на свете.

Он уже взялся за ручку, когда услышал сзади:

— Спасибо!

Мэтью обернулся. В проеме двери, залитый светом из коридора, Джеймс снова на мгновение выглядел как тот самый мальчишка из прошлого.

— Правда, спасибо, — Джеймс говорил тихо, глядя куда-то мимо него. — Столько лет... а здесь я до сих пор чувствую себя как дома.

Их взгляды встретились на мгновение. Мэтью молча смотрел, надеясь, что друг одумается. Но Джеймс лишь незаметно кивнул и снова склонился над фолиантом. Приглушенный свет лампы выхватывал из полумрака его профиль — сосредоточенный, непроницаемый, окончательно отгородившийся от мира страницей с тайными знаками.

* * *

Мэтью молча кивнул и вышел, тихо прикрыв дверь. Джеймс остался один на один с гулом дождя и тайной на пергаменте. Христианский приход Святого Илая находился на краю небольшого города Раудэрвиля, а сам город располагался в юго-западной части провинции Альберта, недалеко от длинной горной цепи, простирающейся с севера на юг. Макушки высоких скалистых гор покрывали огромные ледники, питающие реку, проходящую через центр города и делящую его на две части. Сегодня же все небо, от края до края, было затянуто черными тучами, которые обрушивали на город тонны воды, скрывая всю красоту этого места за плотной стеной дождя.

Джеймс дочитывал последние строки, когда услышал звуки подъехавшего автомобиля. Он быстро собрал свои записи и аккуратно сложил их в потертый кожаный портфель. Перед уходом он еще раз взглянул на библиотеку: на высокие стеллажи, погруженные в полумрак, на островок света от своей лампы. Задержавшись на пороге, он поднял воротник пальто и шагнул в ночь.

На улице было темно, яркий свет фар освещал размокшую проселочную дорогу, отражаясь от множества грязных пузырящихся луж, а тусклые уличные фонари на столбах качались из стороны в сторону от порывистого ветра, который, проносясь вихрем, завывал в проводах.

Машина, старенький седан, уже ждала своего пассажира. Джеймс, пригнувшись от ветра, быстро пробежал под ливнем и ввалился на заднее сиденье.

— Ну и денек ты выбрал, профессор! — обернулся Фрэнк и его добродушное, усталое лицо озарила улыбка. — Прямо как в тот раз, когда вы с Мэтью полезли на старый склад и нашли там какой-то древний «артефакт»!

— Дааааа, мы тогда вымокли до нитки, — протянул Джеймс и впервые за вечер улыбнулся, — только это оказался обломок ржавой трубы. Но, возможно, именно тогда у меня и зародился интерес к тайнам.

Всю свою жизнь Фрэнк проработал водителем при церкви. По натуре он был весельчаком, часто шутил и всегда был рад помочь. Жил Фрэнк в своем доме, недалеко от церкви. Его жена Джулия ушла из жизни три года тому назад, оставив ему двух замечательных дочерей. Младшей Сэлли в этом году исполнилось всего 5 лет, а Катрин было 13, и вся работа по дому после смерти матери теперь в основном ложилась на плечи старшей из сестер. Работа и дети — это все, что осталось у Фрэнка, и он заботился о своих девочках, при этом ни на день не забывая о своей любимой.

— Куда едем?

— Надо успеть на последний поезд до Стэтлэнда.

Фрэнк тут же посмотрел на часы. Времени оставалось совсем мало, и нужно было торопиться.

— Ох, тогда чего же мы стоим! — и машина сорвалась с места.

Выезжая со двора, Джеймс в последний раз взглянул на церковь. Там, в бронзе колоколов отражались сверкающие молнии, а раскаты грома, как выстрелы канонады, били то с одной, то с другой стороны темного неба. Вдруг в окнах библиотеки мелькнул силуэт человека. В темноте было трудно разобрать, кто это, но через мгновение, когда свет внутри здания потух,

не осталось сомнений, что это вернулся Мэт. Вслед за светом в окна библиотеки погасли уличные фонари, и здание погрузилось во тьму.

«Пока, друг», — сказал про себя Джеймс.

Эта фраза стала чертой, за которой кончались сомнения и начинался его новый путь.

* * *

Автомобиль пробирался по раскисшей от дождя дороге вдоль леса. Колеса седана скользили по грязи, с трудом находя под собой твердые участки грунта, а дворники, плохо справляющиеся с ливнем, заливающим лобовое стекло, непрерывно гудели, наклоняясь то в одну, то в другую сторону.

Когда они, наконец, выехал на асфальт, Фрэнк прибавил газа, чтобы нагнать время, но через несколько миль сбавил скорость, заметив стоявший на обочине тягач с включенными аварийными огнями.

Из-за сильного дождя, струи которого быстро бежали по стеклам, в темноте совершенно невозможно было что-то разглядеть.

Проезжая мимо тягача, Джеймс прищурился, всматриваясь в окна кабины. Никого. И уже отъехав на несколько метров, он заметил фигуру в желтом дождевике. Незнакомец стоял у капота грузовика, держа руки в карманах, и пристально следил за их машиной.

— Все в порядке? — заметив напряженный взгляд Джеймса, спросил Фрэнк.

— Да... просто... этот человек. Он странно смотрел.

Фрэнк бросил взгляд в зеркало, но тягач остался далеко позади.

Подъезжая к вокзалу, он остановил автомобиль на парковке перед зданием станции. В этот момент Джеймс обратил внимание на огромные часы, висевшие на фасаде. Яркие желтые цифры показывали 21:21.

На улице было ветрено и безлюдно, а ливень не прекращался ни на минуту. Джеймс хлопнул дверью машины и поспешил к вокзалу Раудэрвиля, прикрываясь саквояжем от бокового ветра.

* * *

Купив билет у сонной кассирши, он быстро направился к поезду. На перроне к сапогу Джеймс прилипла листовка. На ней было изображение мальчика лет шести, темные волосы, доверчивая улыбка. И надпись: «Пропал...» За последние три месяца в Раудэрвиле и соседних городах пропало пять детей и ни одного из них еще не смогли найти.

«Куда они все пропадают?» — подумал он. И ему стало не по себе. Джеймс резко дернул ногой, срывая листок, и уже почти на ходу запрыгнул в трогающийся вагон.

Он сел у окна. Ритмичный стук колес создавал иллюзию покоя, но профессор не мог расслабиться. В ночи перрона, словно тени, мелькали фигуры редких пассажиров, их лица скрывали капюшоны. Огни родного города, который являлся для него убежищем, таяли в черном ливне ночи и постепенно оставались в прошлом. Мысли Джеймса снова и снова возвращались к пропавшим детям, загадочным символам в рукописи и тому, что ждет его в соборе. Вспышки молний за окном разрывали темноту, словно его собственные сомнения.

«А вдруг я ошибаюсь, и эти поиски ведут в никуда?» — подумал он. Но все остальное для него уже не имело значения. Последние дни, проведенные в библиотеке, слишком вымотали его, и Джеймс провалился в сон, где медленно блуждал между бесконечных книжных стеллажей. Надписи на книгах стекали вниз горячим воском, оставляя на полу едкие, дымящиеся пятна. А вдалеке за коридорами из книг, сквозь слои тишины и страха, пробивался звук телефона — глухой, будто кто-то звонил со дна глубокого колодца.

Этот звонок вырвал профессора из забытья. Мэтью. В трубке раздались треск и шипение, невозможно было разобрать ни слова, Джеймс попытался прислушаться. Внезапно звук стал настолько громким, что пришлось отдернуть телефон, чтобы не оглохнуть.

— Джеймс! Алло! Ты меня слышишь? Алло! — кричал в трубку Мэтью.

— Слышу. Что случилось?

Ответ обрушился тишиной, густой и ледяной. А затем:

— Пожар в библиотеке! — это было как гром среди ясного неба.

Слова повисли в воздухе. Пожар. Библиотека. Его библиотека. Его убежище. Место, где он хранил не только книги, но и часть своей жизни. Холодная волна, липкая и неосязаемая, поползла из глубины живота к горлу, сдавив дыхание. Внутри все оборвалось и замерло.

— Что-то удалось спасти? — его собственный голос прозвучал чужим, сдавленным.

В ответ — лишь рваные обрывки: «...связь... плохо...» и тишина. Гудки. Он перезвонил. Раз, другой, десятый. Наконец — голос Мэтью.

— Джеймс... Прости. Огонь шел изнутри. Мы ничего не успели.

Джеймс закрыл глаза. Боль, острая и физическая, сжала виски. Десятилетия его поисков и трудов превратились в дым и пепел.

— Пожарные говорят — замыкание. Но... — Мэтью замолчал. — Я думаю, это поджог.

— Поджог? Постой! — Джеймс резко прервал друга. — Кому понадобилось поджигать старую библиотеку на краю города? Это же безумие!

И вдруг его будто пронзили ледяной иглой. Тот силуэт в дверях... Значит, это был не Мэтью. Кто-то следил. Кто-то ждал, пока он уедет.

Они договорились немедленно сообщить в полицию о незнакомце у библиотеки и положили трубки.

* * *

Время в пути, казалось, тянулось мучительно долго, минуты сливались в целую вечность. Профессор, погруженный в свои мысли, смотрел в залитое дождем окно. Джеймс ловил взглядом эти водяные струи, всматриваясь в их хаотичный бег, словно в причудливый шифр, который мог бы разгадать все его вопросы.

Но внутри у Джеймса все бушевало. Он все еще сидел, сжимая телефон, пока тот снова не взорвался. Это снова был Мэтью. В этот раз голос друга звучал иначе — устало, но с горьким удовлетворением.

— Нашли. Лэсли Сауфман. Он работал у нас на приходской ферме. Ты видел его пару раз. Невысокий блондин с большим родимым пятном на лице. Собаки взяли след рядом с библиотекой, и он привел их к дому Лэсли.

Джеймс едва вспомнил этого невзрачного, помятого жизнью человека.

— Этот недоносок уже сказал, зачем поджог библиотеку? — спросил он.

— Твердит одно, — в голосе Мэтью прозвучала смесь страха и отвращения.

— Говорит, что сжег «дьявольскую книгу».

Эти слова повисли не как бред сумасшедшего, а как ключ, щелкнувший в замке. Все совпадения, все знаки — теперь они выстраивались не в цепь случайностей, а в предначертанный путь. Библиотеку подожгли не просто так. Ее подожгли из-за той книги.

— Спасибо, Мэт, — тихо сказал Джеймс, и это была не формальность. Это была благодарность за последнюю, страшную подсказку.

Сомнение, ждавшее своего часа, наконец, накрыло профессора с головой: «А если это ловушка? Если все эти знаки — лишь приманка?» Он резко вскочил, схватив саквояж. Пальцы лихорадочно нашли папку с копиями страниц и его заметками. Это единственное, что у него осталось. «Нет, я должен идти до конца. Все остальное не имеет значения», — твердо решил Джеймс.

В этот момент свет в вагоне мигнул, и из динамиков раздался спокойный голос:

— Внимание! Через пятнадцать минут мы прибудем на конечную станцию, пожалуйста, не забывайте свои вещи...

Дорога назад обратилась в пепел. Оставалось одно — идти вперед. Навстречу тем, чей страх перед его открытиями был настолько велик, что обратился в пожар. И навстречу той правде, которая была отдана огню.

Глава 2

ЛОЖЬ ВО БЛАГО

Раздался скрип тормозов, поезд вздрогнул и замер. Двери со стороны перрона открылись, и поток торопящихся пассажиров хлынул наружу. Джеймс встал у края платформы, чтобы не мешать. Этот воздух Стэтлэнда... Профессор ненавидел его — густой, с привкусом гари и чего-то кислого.

Город встретил его привычным запустением. Ветер гонял по тротуарам бумажный мусор и целлофановые пакеты, которые то и дело летели прямо в лицо. Из-под покосившейся скамейки метнулась серая тень крысы. Небо над головой было желто-серым от дыма десятков заводских труб, которые возвышались на горизонте, словно немые дымящиеся идолы, а их едкий выхлоп медленно душил все живое. Мелкий дождь не смывал, а лишь размазывал эту копоть по асфальту, превращая лужи в маслянистые зеркала, в которых криво отражались неоновые вывески.

Профессор почувствовал, как знакомое раздражение по отношению к Стэтлэнду подкапывает к горлу. Он махнул рукой, и такси резко притормозило у обочины. «Кристиан Плаза», — бросил Джеймс водителю. Этот отель давно стал его привычным пристанищем в Стэтлэнде. Однако номер, который он обычно бронировал, в этот раз оказался занят. «Черт!», — буркнул себе под нос раздраженный профессор. Пришлось снять другой.

Лифт поднялся на пятый этаж. Длинный коридор казался холодным и безжизненным. Искусственный свет скользил по стенам, а под ногами тянулась красная дорожка, бесшумно поглощавшая каждый шаг. Номер 501 открылся тихим щелчком. Интерьер — дорогая, но бездушная классика: позолота, тяжелые портьеры, хрустальная люстра, старинные вазы с причудливыми орнаментами, расставленные по углам каждой из трех комнат. Горячий душ не смыл усталости Джеймса, а лишь сделал ее более влажной и тяжелой. Профессор рухнул на массивную кровать и мгновенно провалился не то в сон, не то в бред.

Ему снился пожар. Люди внутри горящего здания кричали и молили о помощи. Двери и окна были открыты, но почему-то никто не пытался выбраться наружу. Джеймс вбежал внутрь, чтобы помочь людям, но при каждом прикосновении их тела вспыхивали, обжигая его. Нестерпимая боль пронзила руки Джеймса. Выбившись из сил и наглотавшись едкого дыма, он выбежал на улицу. Сидя на коленях, профессор взглянул на свои ладони — они были покрыты огромными волдырями.

Позади раздался смех. Сухой, раскатистый, полный безумия. Джеймс обернулся. Их было четверо: двое мужчин и две девочки в одинаковых алых платьях, цвета свежей крови. Один мужчина смотрел на него пустыми глазницами. Второй — высокий, стоял позади, положив на плечо первому свою уродливую руку с длинными, изогнутыми когтями. Он указывал на Джеймса и неистово хохотал.

Земля ушла из-под ног. Джеймс провалился в черноту. Животный страх овладел профессором — он проснулся в холодном поту.

Сердце колотилось, казалось, что оно вот-вот вырвется из груди. Через распахнутую форточку шел ледяной воздух ночи, и Джеймса охватил озноб. Он долго ворочался, провалившись в сон лишь под утро. Едва открыв глаза, он увидел десять пропущенных от Мэтью.

— Джеймс, слава Богу! — голос друга был сдавленным. — У меня плохие новости. Фрэнк вчера не вернулся домой. С тех пор как он отвез тебя на вокзал, его никто не видел.

Ледяная тяжесть опустилась в желудок Джеймса.

— Катрин? Ты звонил его дочери? — спросил Джеймс.

— Звонил. Он сказал ей, что задержится по срочной работе. Но утром так и не вернулся. Телефон... выключен.

— Какая работа? — Джеймс протер лицо. — Он ничего не говорил.

— И мне нет! — в голосе Мэтью прорвалось отчаяние. — На прошлой неделе он несколько раз внезапно уезжал в город. Никогда не задерживался. Но никогда и не говорил, зачем.

Мысли Джеймса, еще вязкие от кошмара, хватались за любую возможную зацепку, которая могла бы стать точкой опоры. И одна всплыла.

— Мэт, помнишь Стэнли Уиллера из дорожной полиции? Мне нужен номер машины Фрэнка.

— UI791, — без раздумий ответил Мэтью, так как знал его наизусть.

— Будь на связи. Я узнаю что смогу.

* * *

— Давай же, Стэн, — Джеймс шагал по номеру взад-вперед, прижимая телефон к уху.

— Возьми трубку! — Гудки были долгими и равнодушными. Вызов сбросили. Он набрал снова.

— Ну где ты? — повторял вслух профессор.

— Привет, я сейчас занят... — начал бодрый голос автоответчика.

— Стэнли, это Джеймс. Перезвони, как только сможешь. Дело срочное.

Он бросил телефон на кровать. Вспомнилось детство: Стэнли, робкий новичок в очках, только что переехавший в Раудэрвилль. В новой школе его постоянно все дразнили, поэтому приходилось трудно. Они познакомились с Джеймсом на перемене — даже не подозревая, что станут лучшими друзьями. С тех пор они были неразлучны: делились бутербродами и мечтами о будущем. Теперь это будущее наступило. Взрослая жизнь разбросала их по разным городам. Они редко виделись, общаясь в основном по телефону. У Стэнли теперь была семья — жена и дочь, ради которых он строил свою тихую, спокойную жизнь.

Профессор ходил по комнате взад и вперед, как заведенный. Он уже раздумывал отложить поездку в Гриэнгольт, но звонок от Стэнли прервал его мысли.

— Привет, старина! Извини, что не сразу ответил, было много работы, — раздался в трубке знакомый голос.

— Привет, Стэн, рад тебя слышать. Сколько лет, сколько зим! Стэн, я по делу.

— Что за дело?

— Помнишь Фрэнка? Он пропал. Мне нужна твоя помощь.

— Джеймс, но ты же знаешь, это не по правилам... — начал было Стэнли. — Мне нужно разрешение начальства на розыск пропавшего человека.

— Я знаю. Но это же Фрэнк! Тот самый, что на твои восемнадцать налил нам виски в пабе «У Гарри». Помнишь?

На другом конце провода повисло молчание.

— Хорошо, черт с ним, давай попробуем! — сказал он, решив помочь другу, хоть и прекрасно понимал, чем рискует.

Джеймс продиктовал ему номер машины Фрэнка и время, когда он пропал.

— Хорошо, — ответил Стэнли, вводя номер автомобиля в строку запроса поисковой системы. — Я все проверю. Будь на связи.

* * *

Джеймс постоял у окна еще несколько мгновений, глядя, как сквозь стекло пробиваются лучи утреннего солнца. Его свет казался таким теплым, но это был обман. Сдав ключ на стойке ресепшена, он с вещами вышел на улицу и отправился дальше в путь.

Вокзал встретил его гулким эхом и пустынными перронами. Утренний поезд уже ушел. Следующий будет только к вечеру. Автобусы Джеймс люто ненавидел — его сильно укачивало. Пришлось снова ловить такси.

За рулем сидел худощавый парень в потрепанной косухе. Дорога до Гриэнгольта предстояла долгая. Таксист предложил срезать путь — поехать старой дорогой. Оказалось, это разбитая грунтовка, петляющая среди бескрайних полей. Связь пропала почти сразу. За час встретилось всего несколько машин, осторожно пробиравшихся по выбоинам. Водитель нервно болтал, пытаясь разорвать гнетущую тишину.

Вдруг резкий удар, скрежет. Джеймс с силой ударился головой о потолок. Машину швыряло из стороны в сторону. Еще секунда — и они бы перевернулись, но водитель каким-то чудом выровнял такси, вдавив тормоз в пол. Мотор напрочь заглох.

— Черт! Черт-черт-черт! — и шофер вывалился из машины. Джинсы еле держались на его худых бедрах, затянутых широким ремнем с большой металлической бляшкой.

Джеймс выбрался следом, давась пылью и гневом. Посреди дороги лежал большой, острый камень. От машины к нему тянулся маслянистый черный след.

— Как ты его не заметил? — голос Джеймса прозвучал тихо, почти шепотом, и от этого было не по себе.

— Клянусь, его не было! — руки таксиста тряслись. — Он как из-под земли вырос, клянусь вам! — Парень был на грани истерики. Он вытащил телефон, нервно тыкая в экран. — И связи нет! Брат меня убьет за машину!

— Как тебя зовут? — спросил профессор у таксиста, держась за голову.

— Мартин! — взорвался таксист, нервно дернув плечом.

— И что вы обычно делаете в таких ситуациях, Мартин? — поинтересовался Джеймс.

Парень вдруг прекратил все свои действия и, встав в полный рост на багажнике авто, изумленно посмотрел на профессора сверху вниз.

— Обычно? — переспросил он с иступленным видом. — Я работаю только третью неделю, сэр, и никогда не был в таких ситуациях! — завопил таксист и развел руками в стороны, продолжая искать связь. С самого утра у меня все летит в тартарары! Утром обнаружил спущенное колесо. Потом на почте потерял квитанцию, простояв в очереди сорок минут. Муха в кофе, птица в стекло... Бац! Ощущение, что сегодня весь мир против меня. Чувствовал, что ехать не стоит...

Джеймс отвернулся, стараясь взять себя в руки. Тучи разошлись, обнажив голубое небо, и солнце начало хорошенько пригревать. Опершись спиной об автомобиль, Джеймс скрестил руки на груди.

Водитель, отчаянно пытаясь поймать хоть одну полоску связи, вскарабкался на скользкий багажник, а оттуда пытался забраться на крышу автомобиля. Судорожно тряся телефоном, он сыпал обещаниями оплатить Джеймсу другое такси и в этот момент чуть не сорвался, сильно ударившись локтем о металл.

— Блин, блин, блин. Брат меня точно убьет! — начал причитать парень, схватившись от боли за руку и одновременно рассматривая глубокую вмятину, которую оставил после своего падения.

Надеяться было не на что. Только ждать, что кто-то из проезжающих предложит свою помощь... Прошел час. Еще один. Вдруг вдали показалось пылевое облако. Из Стэтлэнда ехал старенький пикап. Увидев их, он замедлил ход и остановился рядом со сломанным такси. Стекло опустилось — из дверных колонок послышался христианский хор. В автомобиле находились мужчина и маленькая девочка.

— Нужна помощь? — голос водителя был спокойным и глубоким.

Джеймс объяснил ситуацию. Джон Фостер, крепкий мужчина средних лет в джинсах и клетчатой рубашке, закатанной по локти, вышел из кабины, осмотрел камень, покачал головой.

— Связи тут не было и не будет. Все едут по асфальтированной дороге, в полчасе отсюда. Как вас вообще сюда понесло?

Джеймс снова взглянул на Мартина и, уже не скрывая своего раздражения, тяжело вздохнул.

— Далеко направляетесь?

— В Гриэнгольт, — тут же ответил Джеймс.

— Да... Долго вам еще ехать, — посочувствовал он. — Могу вас подбросить до центральной дороги, если хотите.

Джеймс согласился. Мартин же почти с фаталистическим спокойствием отказался:

— Спасибо, но я не могу бросить машину.

— Как только доберемся до связи, скажем, чтобы за вами приехала помощь, — сказал Джон.

— Большое спасибо вам, сэр, — радостно ответил Мартин.

Он спрыгнул с автомобиля и подошел к Джеймсу.

— Правда, простите, — сказал таксист, не поднимая глаз.

Джеймс в ответ лишь покачал головой. Он взял вещи и забрался в пикап, сев рядом с девочкой.

— Моя дочь, Лили, — представил ее Джон.

— Привет, Лили.

— Здравствуйте, — девочка улыбнулась и подвинулась, освобождая место.

Пикап тронулся, оставив Мартина и его разбитое такси на дороге, словно памятник неудаче. Вскоре Джон свернул и поехал через бескрайнее кукурузное поле. Связь ненадолго вернулась. Джеймс успел набрать в службу помощи и попросил прислать эвакуатор за Мартином, как связь снова оборвалась.

Когда автомобиль выехал с поля, профессор увидел ферму и целую улицу отдельно стоящих возле нее домов с заколоченными фанерой окнами. Фермой Джон называл небольшой дом и амбар, к которому был пристроен маленький загон для животных. В двухстах метрах от дома Джеймс разглядел остатки от какой-то старой постройки. Это место уже поросло высокой травой, но даже через нее можно было увидеть обугленные балки, оставшиеся после пожара.

Джон притормозил у каменной дорожки, ведущей к старому дому. Тишина здесь была настолько гробовой, что казалось — слышен стук собственного сердца.

— Лили, не забудь продукты, — добавил отец вслед девочке. — И скажи маме, что я скоро вернусь.

— Хорошо, папа, — ответила девочка, вытаскивая большой бумажный пакет из-под сидения.

— Ну что, — обратился Джон к профессору, — поехали, отвезу вас на главное шоссе, как и договаривались.

Машина тронулась, оставляя за спиной дом Джона. Профессор бросил последний взгляд в боковое зеркало. Девочка все еще стояла на крыльце и смотрела им вслед.

— Послушная у вас дочурка. А учится где? Дома?

— Да, учим ее сами. Моя супруга Клер раньше в школе преподавала.

— Как вы справляетесь в такой глуши? — спросил профессор, повернувшись к Джону. — Не лучше было бы перебраться в город?

— Поверьте мне, Джеймс, здесь когда-то тоже было много жителей. Но с тех пор, как сгорела местная церковь, люди начали уезжать целыми семьями.

— Значит, здесь была церковь? — переспросил профессор, указывая на то самое место, поросшее травой, что он заметил ранее.

Джон кивнул.

— Да, прямо напротив нашего дома. После пожара все развалилось. Люди уехали, магазины закрылись. Только мы и остались. Отец Жозеф жил еще у нас какое-то время, но потом

ему пришло письмо из Гриэнгольта. Как он объяснил, в соборе Святой Сюзанны ему нашли новую должность, и он вскоре был вынужден уехать.

— А что стало причиной пожара? — осторожно спросил Джеймс.

Никто точно не знает, — Джон тяжело вздохнул. — Одни говорят — поджог, другие шепчутся о проклятии. Знаете, Джеймс... здесь многое кажется странным. Живя тут, начинаешь замечать то, что другие называют «случайностью».

— И как давно вы тут живете? — поинтересовался Джеймс.

— Уже пятый год, — ответил Джон, видимо нисколько не жалея о своем выборе.

— Так почему же вы не уехали, как другие?

— Друзья предлагали нам переехать, но мы с Клер решили остаться. Мы выкупили несколько соседних полей и продолжили заниматься хозяйством. Так что это было наше общее с ней решение. А вы, Джеймс?

Вопрос прозвучал довольно неожиданно.

— Хочу попасть в собор Святой Сюзанны, — после секундной паузы ответил профессор. — Я был уже там год назад.

Джон медленно повернул к нему голову. Его глаза, казалось, впились в Джеймса, оценивая, сверяя с чем-то. Наступила неловкая пауза. Вдруг пикап подпрыгнул на колдобине.

— Джеймс... возможно, это покажется странным, даже безумием. Мне кое-что нужно вам передать, — наконец сказал Джон.

Профессор удивленно поднял брови. Джон потянулся к солнцезащитному козырьку и достал оттуда потертую фотографию. Бережно, будто какую-то реликвию, он протянул ее Джеймсу. На снимке были запечатлены сам Джон, его жена, дочка Лили и священник с пронзительными темными глазами. Они стояли на фоне той самой церкви, еще целой и невредимой.

— Перед своим отъездом отец Жозеф дал мне этот снимок, сказав: «Отдашь тому человеку. Он поймет, что делать». Прошло уже пять лет с того момента. Но я не знал, кому отдать. Пока не увидел вас сегодня у сломанной машины. Думаю, он хотел, чтобы я передал его вам.

— Мне? — удивился профессор и почувствовал, как у него похолодели пальцы.

— Он точно описал вас и эту встречу, — Джон сглотнул. — Я сам не верил. Пока не встретил вас у того такси. Думаю, он хотел, чтобы вы получили это фото быстрее.

Сердце Джеймса забилось чаще. Он перевернул снимок. На обороте мелким, изящным, но неровным почерком было написано всего два слова, которые привели его в ступор:

«Найди меня»

Джеймс нахмурился.

— Что это значит? — вдруг спросил профессор.

— Что значит «что»? — удивился Джон, приподняв брови.

— Надпись. Вот эти слова, — Джеймс протянул фотографию, указывая пальцем на буквы.

Джон взглянул на оборот старой фотографии, но ничего не увидев, вернул Джеймсу.

— Решили меня разыграть? — спросил он, добродушно улыбнувшись.

Он ничего не видел. Понимая это, Джеймс замолчал, чувствуя, как по спине бегут мурашки.

— Все в порядке, Джеймс? Вы побледнели.

— Да... Все нормально, — ответил профессор, решив больше не расспрашивать Джона о странной записи, чтобы его не приняли за сумасшедшего.

Фермер пожал плечами, посчитав, что разговор исчерпан. Джеймс спрятал карточку во внутренний карман пальто. «Найди меня!» — теперь из его головы не выходила эта надпись. Он понимал, что это послание только для него. Но что оно значит? Еще одной загадкой стало больше.

Через несколько минут пикап наконец выбрался из бесконечного зеленого лабиринта кукурузы и притормозил на пыльной обочине асфальтированной дороги.

— Вот и приехали, — сказал Джон. Он посмотрел по сторонам и добавил: Пока никого, но здесь шансов все равно больше, чем около сломанного такси! — Джон указал пальцем в направлении города. — Там находится Гриэнгольт, так что, если увидите машину, направляющуюся в ту сторону, можете смело останавливать. Желаю удачи!

— Спасибо что подвезли, Джон, — поблагодарил его профессор.

Взяв свои вещи, он пошел на противоположную сторону дороги. Пикап быстро скрылся за густой зеленью поля, оставив после себя лишь облако пыли. Остаться одному на этой пустынной дороге было некомфортно, но он знал, что должен идти вперед. Пальцы сами потянулись к внутреннему карману, и он вытащил фотографию. Солнечный свет будто выжег бумагу, сделав надпись на обороте еще более четкой.

«Найди меня»

«Что это все-таки значит?» — пронеслось в голове. Однако это уже был не вопрос, а отчаянная мольба. Ответа Джеймс явно боялся.

* * *

Солнце уже клонилось к горизонту, но его лучи все еще пытались прогнать осеннюю прохладу. Как только вновь появилась связь, Джеймсу вновь пришло сообщение о звонке Стэнли и он набрал ему.

— А я думал, ты уже не позвонишь, — сразу ответил Стэн, не дав профессору открыть рот.

— Извини, утро выдалось просто кошмарное, связь то и дело пропадала, — начал сокрушаться Джеймс.

Разговор прервал нарастающий шум с дороги. Со стороны Гриэнгольта ехал минивэн. Заметив его, профессор сразу поднял руку, выставив большой палец вверх. Машина проехала мимо Джеймса, но через десяток метров вдруг резко затормозила и остановилась на обочине.

— Стэн, подожди, пожалуйста, я перезвоню, — подбегая к водительской двери, ответил профессор.

За рулем автомобиля сидела женщина преклонного возраста с белыми накрученными волосами и ярко накрашенными губами. Она медленно опустила стекло и окинула незнакомца холодным, оценивающим взглядом с ног до головы, не проронив ни звука. А из салона накатила волна тяжелых, сладковатых духов с приторным запахом ванили.

— Вы... в Гриэнгольт? — выдохнул Джеймс, пытаясь перевести дух.

— А куда же еще? — ее голос был пронзительно писклявым. — Ну и чего ты ждешь? Скоро стемнеет. Садись, не задерживай старуху! — скомандовала она.

На переднем пассажирском сиденье лежала бежевая дамская сумочка. И это явно было ее законное место. Старушка даже не пошевелилась, чтобы ее убрать. Джеймс, не раздумывая, уселся на заднее сиденье.

— Не возражаете, если я...? — он показал на телефон.

— Да сколько угодно, мне-то какое дело, — грубо буркнула она, доставая из сумочки пачку сигарет. Через мгновение густой едкий дым начал заполнять салон.

— Извини, Стэн, — Джеймс прижал трубку к уху, отмахиваясь от сизых клубов дыма. — Теперь я тебя внимательно слушаю.

— Машину нашел. Но теперь вопросов еще больше, — объяснил Стэнли.

— С Фрэнком все в порядке? Где он? — слова вырвались у Джеймса раньше, чем он успел подумать.

— Пока не знаю.

— Как не знаешь? — голос Джеймса сорвался на полтона выше.

Успокойся, Джеймс. Информация есть, но она... обрывочная. Что-то не складывается, — сдерживаясь, говорил Стэн. — Его машина отъехала от вокзала в 21:23. И пропала. В слепой зоне.

— В какой еще зоне?

— Участки без камер. Вчера из-за грозы некоторые камеры на дорогах перестали работать, и запись временно не велась.

Джеймс смотрел в окно на мелькающие поля и чувствовал, как его ладони покрываются холодным потом от волнения.

— И что теперь?

— Номер его машины поставлен на контроль. Программа сканирует сервера, поднимает все записи с камер города.

— Это надолго?

— Нет, сейчас гляну, что там.

Стэнли открыл папку, где собиралась информация о разыскиваемом автомобиле. В ней лежало несколько видеофайлов с камер дорожного движения, но поиск еще не завершился.

— Есть что-нибудь? — с нетерпением спросил Джеймс.

В трубке воцарилась тишина, нарушаемая лишь статичным шипением.

— Стэн?!

— Я пытаюсь... понять, — голос друга вдруг стал прерывистым. — Маршрут... движения...

— Я тебя плохо слышу! Повтори!

— ...шрут... ж...н...я... — слова словно рассыпались.

— Стэн! Алло! Стэн! — повторял профессор, даже не заметив, как перешел на крик. Но в ответ — только нарастающая тишина, а затем — короткие гудки. Связь прервалась.

Джеймс еле находил в себе силы, чтобы от злости не швырнуть свой телефон куда подальше, когда вдруг заметил пристальный и недовольный взгляд женщины в салонном зеркале.

— Простите, что сразу не представился, — обратился к ней профессор, слегка улыбнувшись, чтобы показаться приветливым. — Меня зовут Джеймс, а вас?

Она недоверчиво посмотрела на профессора.

— Маргарет, — буркнула старушка. — Вы, похоже, в наших краях впервые, Джеймс? — добавила она надменным тоном.

— Почему вы так решили? — спросил он.

— Местные так не одеваются, — ответила она. — Судя по вашей одежде, вы не меньше, чем начальник какого-то завода, который, скорее всего, уже разорился, раз вы стояли там, на обочине, — она рассмеялась и тут же закашляла.

— Я работаю в институте, — соврал он ей. Маргарет снова посмотрела на него через зеркало заднего вида, прищуривав один глаз, но в этот раз ничего не сказала.

Вдруг телефон Джеймса зазвонил — связь вновь появилась так же внезапно, как и пропала.

— Стэнли, наконец-то! — выдохнул Джеймс, прижимая телефон к уху.

— Ты в курсе, что Фрэнк несколько дней ездил на какой-то склад? — без предисловий спросил Стэнли. — Возле городской электростанции.

— Какой склад? — Джеймс нахмурился. — О чем ты?

— Откуда мне знать? Но факт — он там появлялся регулярно. Вчера тоже.

— Зачем, черт возьми, ему туда? — голос Джеймса дрогнул. Вспомнились слова Мэтью о выездах Фрэнка... но склад?

— Без понятия, — Стэнли сбавил тон. — Но я кое-что нашел и в записях с прошлой ночи. Кажется, знаю, куда делась машина.

— Стой... Так он был на складе вчера или нет? — Джеймс перебил.

— Был. И до этого тоже, — Стэнли ответил резко. — Но слушай дальше — важно, как он туда попал.

Джеймс стиснул зубы.

— Говори.

— Смотри, камеры под мостом не работали из-за бури, но потом я вспомнил, что на этом участке их две. По одной на въезд и на выезд, — Стэнли начал говорить быстро. — В первый раз я не обратил внимания на погрузчик, который заехал под мост следом за Фрэнком, но потом заметил, как он выехал, правда, не сразу. После моста дорога ведет в два направления, я посмотрел камеры, и на одной из них погрузчик ехал уже груженный, хотя до этого на нем тента не было. Конечно, я отследил маршрут, и знаешь, куда он поехал? — задал вопрос с подвохом Стэн.

— На склады, — тихо сказал Джеймс.

— Бинго! — Стэнли хлопнул чем-то по столу. — Я пробил номера грузовика, но установить владельца не получилось, номер липовый, поэтому больше ничего сказать не могу.

Джеймс молчал. В голове складывалась тревожная картина. Погрузившись в свои мысли, Джеймс даже не заметил, как Маргарет снова закурила — на этот раз, приоткрыв форточку, а Стэн продолжал что-то говорить в трубке.

— Алло! Джеймс! — раздавался голос Стэнли в трубке. — Алло! Ты там?

— Да, — наконец отозвался Джеймс задумчиво.

— Кажется, я его видел.

— Кого?

— Этот погрузчик. Мы с Фрэнком ехали на вокзал и заметили его на обочине.

Джеймс предположил, что, возможно, Фрэнк просто сломался, и его машину отбуксировали.

— Возможно и так, но тогда почему водитель тягача использует подставные номера? — задал встречный вопрос Стэнли. Джеймс молчал, теряя нить логики.

— Дальше — больше, — продолжил Стэн. — Через полчаса Фрэнк выехал со склада и направился к больнице Клифтона. Камера зафиксировала, как он вошел в главный вход...

— погоди! Там же ночью никто не работает?

— В том-то и дело! Но его встретили.

— Видно лицо второго человека?

— Нет, камера слишком далеко. Через несколько часов они вышли и вместе поехали обратно на склад.

— Зачем? — пробормотал Джеймс.

— Слушай, я не... — Стэнли вдруг прервался из-за какого-то звукового сигнала.

— Что там? — насторожился профессор.

Стэн взволнованно сказал, что камера, кажется, только что засекла машину Фрэнка на пересечении Клейтона и Первой Западной.

— Думаю, что он сейчас на выезде из города. На других записях я уже видел, что он возвращался этой дорогой, — ответил Стэн. — Но подожди, давай посмотрим, вдруг я ошибаюсь.

Джеймс уже представлял худшее, хотя не мог понять причин странного поведения Фрэнка — всегда образцового отца, друга и христианина.

— Как и думал, он едет на выезд. Больше ничем не помогу, — вернул его к реальности голос Стэнли.

— Ты очень выручил, Стэн, спасибо. Я твой должник. До связи!

Джеймс убрал телефон, вдруг в салоне раздался смех Маргарет:

— Скоро приедем, Холмс!

Игнорируя язвительные замечания Маргарет, Джеймс набрал номер Мэтью. Тишина в трубке звучала зловеще. Затем он попытался дозвониться до самого Фрэнка, но в последний момент сбросил вызов — пусть лучше тот явится сам и все объяснит. Но объяснит ли?

Сумерки сгустились. Солнце скрылось, окрасив мир в свинцовые тона, а мокрый асфальт тускло блестел под редкими фонарями. Машина Маргарет, словно призрак, въехала в старый район, ее фары выхватывали из темноты облупившиеся фасады. Джеймс беседовал с Маргарет, когда ему вдруг позвонил Мэтью.

— Прошу прощения, — сказал профессор. — Мне нужно срочно ответить.

Женщина недовольно фыркнула и, достав очередную сигарету, закурила.

— Джеймс, он здесь! Фрэнк у меня! — голос Мэтью был наполнен почти детской радостью.

— С ним все в порядке? — Джеймс почувствовал, как сжалось сердце.

— вроде да, но... — энтузиазм в голосе мгновенно угас, сменившись растерянностью.

— Не знаю. Он сидит на кухне и уже несколько минут смотрит в стену. Ссадина на виске, но он о ней не говорит. Только твердит: «Все в порядке, Мэт». Машина помята... Может, авария? Катрин еще не видела его — я не могу отпустить его в таком состоянии домой...

Джеймс сглотнул ком в горле. Он уже знал правду.

— Мэт, слушай внимательно... — и он сжато, почти шепотом, изложил версию Стэнли: ночная поездка к больнице, таинственная встреча, фальшивые номера, склад.

На том конце провода повисло гнетущее давящее молчание.

— Я не верю своим ушам, — наконец прозвучал потерянный голос Мэтью.

— Мэт, никому ни слова. Я во всем разберусь. В конце концов, Фрэнк ничего не нарушил, поэтому не волнуйся за него, а мы со Стэнли выясним всё.

Профессор знал, что Фрэнк всегда отличался искренностью, и ложь никак не увязывалась с его натурой. Значит, случилось что-то ужасное. Какие тайны он теперь носил в себе? И какую цену за них уже заплатил?

— Где высадить? — Маргарет раздавила окурочек в переполненной пепельнице. — Я сворачиваю на следующем перекрестке.

— Остановите здесь, пожалуйста, у сувенирной лавки, — Джеймс показал на тускло освещенную витрину.

Автомобиль притормозил у тротуара. Приоткрыв дверь, Джеймс на мгновение задержался в салоне.

— Спасибо, Маргарет, вы меня очень выручили, — он посмотрел ей прямо в глаза. На ее лице появилась натянутая улыбка. Не проронив ни слова, она дождалась, пока он захлопнет дверь, и резко рванула с места, растворившись в потоке вечернего трафика.

В воздухе запахло грозой. Ветер усилился, а горизонт озарили первые тревожные зарницы.

Собор невозможно было не заметить, он стоял на центральной площади города прямо в конце главной улицы, гордо возвышаясь над крышами окружающих его домов.

— Давно не виделись, — прошептал Джеймс, и старые воспоминания нахлынули волной. Он взглянул на часы, потрогал странную фотографию в кармане пальто. Время поджимало. Решительным шагом профессор двинулся к воротам собора. Ему нужно было найти Жозефа. И еще о многом узнать.

Глава 3

СКРЫТОЕ ПРЕДНАЗНАЧЕНИЕ

К тому времени, как Джеймс добрался до собора, город окончательно растворился в вечернем тумане. Свет фонарей тонул в сырой пелене, растекаясь блеклыми ореолами по мокрой брусчатке, отбрасывая длинные и безликие тени редких прохожих.

Собор появился из тумана и напоминал средневековый замок с узкими окнами-бойницами и высокими башнями, которые стремились в черное небо своими острыми шпилями. Он резко выделялся на фоне стоявших вокруг серых зданий своей уникальной архитектурой, содержащей черты византийского искусства. Его массивные стены с потемневшими от времени арками напоминали о вечности. Даже теперь, спустя столетия, это место продолжало восхищать своим величием, притягивая взгляды прохожих.

Джеймс медленно поднялся по каменным ступеням. Перед ним возвышались массивные дубовые ворота, украшенные старинной резьбой со сценами из жизни святых. Ворота были высотой в три человеческих роста, но в одной из створок находилась обычная дверь — вход для прихожан и посетителей.

Джеймс замер у входа, внезапно осознав всю нелепость своего порыва. «Зачем я здесь? Рукопись обратилась в пепел, — пронеслось в голове. Он машинально провел ладонью по холодной стене, чувствуя под пальцами паутину трещин, напоминающих морщины времени. — Мэт был прав: это место меняет изнутри. Но что именно я ищу? Ответы? Или последнее подтверждение собственному безумию?»

Джеймс взглянул на свой портфель с записями и сделал глубокий вдох. Воздух пах дождем и гарью.

— Сомнениям уже не место, — сказал профессор сам себе. И взявшись за холодную металлическую ручку, потянул ее на себя. Тяжелая дверь с тихим стоном поддалась.

Когда профессор переступил порог, его охватило дежавю. Воздух был пропитан сладковато-терпким ароматом ладана, который смешивался с запахами ветшающего дерева и сырого камня. Эта смесь вернула его в тот день, когда он оказался здесь впервые. Глядя на мозаики и фрески, Джеймс чувствовал, как прошлое и настоящее сплетаются воедино.

В соборе шла вечерняя служба. Тени от свечей плясали на стенах. Музыка органа пронизывала тело низкими вибрациями, а завораживающее пение хора заставило профессора на минуту остановиться, забыв на мгновение обо всем. Это место казалось ему наполненным чем-то невидимым и необъяснимым.

Миновав притвор, он оказался под куполом, украшенным огромным изображением святых, которые, казалось, смотрели прямо на него. Ряды массивных колонн словно расступались, открывая неф, уводящий к алтарю у восточной стены, за которым взмывали вверх две каменные лестницы.

— Простите, сэръ, вы кого-то ищете?

Голос за спиной возник внезапно. Джеймс вздрогнул и резко обернулся. Перед ним стоял молодой послушник с необычайно пронизательным взглядом.

— Вы могли бы и предупредить о своем приближении, — голос Джеймса выдавал его нервозность.

— Прошу прощения. Я не хотел вас пугать. — Парень склонил голову. — Меня зовут Маркус. Могу я вам чем-то помочь?

Джеймс еще на секунду задержал взгляд на парне.

— Мое имя Джеймс, Джеймс Кровис, я профессор из Раудэрвиля, — представился он. — Я ищу отца Жозефа.

Вдруг лицо Маркуса окаменело, а взгляд скользнул за спину профессора — туда, где на стене под судорожной пляской пламени свечи колыхалась странная тень. Она не принадлежала человеку, была несоразмерно большой и угловатой, но точно падала от силуэта Джеймса.

— Отец Жозеф... покинул наш мир, — произнес Маркус, отступая на шаг от профессора. — Но после мессы вас может принять епископ Абнер.

Тон юноши был вежливым, но холодным. Джеймса сковало безмолвие. Он кивнул в ответ, дав свое немое согласие.

— Тогда с вашего позволения.

Маркус тут же растворился в толпе мирян, будто его и не было.

* * *

Когда пение хора прекратилось, регент произнес короткую речь и люди начали потихоньку расходиться.

— Следуйте за мной, — коротко сказал вновь появившийся Маркус.

Они шли быстро, не оглядываясь, и вскоре, пройдя трансепт и зайдя за алтарь, оказались у подножия лестниц, уходящих вверх по обеим сторонам высокого апсида. Профессора охватило странное чувство — будто что-то ждало его там, наверху. «Вперед. Ответы там», уже с полной уверенностью подумал Джеймс.

Он следовал за послушником, изучая символы на стенах. Среди них были уже знакомые ему знаки — те, что являлись ему во снах. Змеи, переплетающиеся с деревьями, ветви которых извиваются, словно поглощают окружающее пространство. Круги с рунами, связанные паутиной линий — словно сеть артерий неведомого существа. Джеймс почувствовал, как на затылке поднимаются волосы.

Взгляд зацепился за деталь: в узоре Древа Жизни ветви изгибались так, что на уровне верхушки ясно читалась цифра — 13. Это было не просто число. Оно выглядело как предупреждение.

Они прошли мимо статуй — гранитных женщин с восемью крыльями. Их образы были словно живые и, казалось, следили за каждым его движением. Джеймс почувствовал себя неуютно.

— Пожалуйста, сюда.

Маркус остановился перед открытыми двустворчатыми дверями. В просторном зале, у высокого окна, спиной к выходу стоял священнослужитель. Он наблюдал за расходившимися прихожанами, перебирая деревянные четки. На нем был белый кафтан, подвязанный красным поясом, а на коротко подстриженной голове — фиолетовый пилеолус. Он обернулся. Взгляд, острый, как скальпель, скользнул сначала по Маркусу, затем впился в Джеймса.

Послушник склонил голову и, не поднимая глаз, быстрым шагом вышел. Дверь закрылась мягким щелчком. После этого грозный образ исчез с лица монаха: суровость растаяла, уступив место теплой улыбке.

— Добро пожаловать, профессор. Простите, что заставил ждать, — его голос прозвучал неожиданно громко в тишине зала.

— Отец Абнер? — Джеймс пожал протянутую руку.

— Да. Мне кажется или вы чем-то удивлены?

— Признаюсь, да. Вы представлялись мне человеком более зрелого возраста, — улыбнувшись, ответил профессор.

— Абнер улыбнулся в ответ. Кажется, у вас было какое-то дело к отцу Жозефу? — спросил он.

Джеймс достал из пиджака потертую фотографию.

— Мне передал ее один человек по имени Джон. Я познакомился с ним по дороге сюда. Отец Жозеф хорошо с ним общался и попросил передать мне это. Должно быть, она что-то значила для него. Там сзади есть надпись, — ответил профессор.

Абнер бегло взглянул на фото, потом перевернул и без всякой заминки прочел те самые два слова — «Найди меня». В этот момент в душе Джеймса вместе с леденящим удивлением, что надпись видна не ему одному, вспыхнула странная, почти необъяснимая искра облегчения. Он точно не сошел с ума.

Затем, без всякого выражения, Абнер смял фотографию в комок и убрал в карман.

— Пойдите, зачем вы...? — напрягся Джеймс, уставившись на священника.

— Не будем тратить время на пустяки. Присаживайтесь, мистер Кровис. — Монах указал рукой в направлении длинного гранитного стола с деревянными стульями, стоявшими в центре зала. — Итак, я полагаю, что вы пришли в собор не только из-за фото, верно?

Он обошел стол и, остановившись со скрещенными на груди руками напротив Джеймса, продолжил:

— Вы пришли за ответами. Но... готовы ли вы услышать правду?

— Откуда вам знать, зачем я здесь?

— Я не знаю. Просто догадываюсь. — Голос его стал серьезным и слегка грубоватым, а от былой приветливости не осталось и следа. — Так с чем пожаловали, профессор?

Абнер обошел стол и сел напротив профессора. Джеймс поставил на стол саквояж, демонстративно щелкнул замками и достал папку с бумагами, разложив листы перед епископом.

— Не знаю, как это объяснить, но год назад, когда я был в этом соборе, то потерял сознание во время мессы, а вскоре после этого мне стали сниться символы, которым я до сих пор не нашел никакого объяснения. А сегодня я увидел у вас в соборе те же изображения, нарисованные на потолке и стенах коридора, — продолжил профессор.

Абнер взял один из листов. Глаза пробежали по строчкам — быстро, даже слишком быстро для незнакомого текста. Без перевода. Он положил лист, взял следующий. Третий. Все тем же движением — уверенным и привычным. Потом откинулся на спинку стула и на секунду задумался. Казалось, что воздух в зале сгустился.

— Откуда это у вас? — его глаза пронзительно смотрели прямоком в душу Джеймса, а зрачки судорожно метались, нетерпимо ожидая ответа.

— Эти записи из древней книги. Ее обнаружили случайно при археологических раскопках в Совме. Если бы старая кладка в месте захоронения не обрушилась, никто бы и не догадался, что в стене было что-то спрятано. За долгие годы моей работы с разными реликвиями я впервые столкнулся с таким содержанием.

— А где книга сейчас? — Абнер наклонился вперед, костяшки его пальцев побелели.

Джеймс с ужасом вспомнил о пожаре в библиотеке и его передернуло.

— Ее больше нет. Сгорела. Фанатик из местного прихода поджег библиотеку, в которой я оставил книгу.

— Сгорела? — в голосе впервые прорвалось еще что-то кроме гнетущего спокойствия. — Вы что, не могли взять ее с собой?

— Я думал об этом, но...

Глухой скрип открывающихся дверей заставил профессора прерваться. В зал вошли трое, их фигуры скрывали длинные багровые мантии с глубокими капюшонами. Казалось, они шли бесшумно, не касаясь пола.

— Оставайтесь за столом, — резко бросил Абнер.

Стоило незнакомцам подойти ближе, как воздух вокруг сжался, превратившись в свинцовый саван. Тело Джеймса налилось тяжестью, мышцы одеревенели. Он попытался вскочить, но не смог. Пальцы не слушались. Дыханье перехватило. Он чувствовал, как невидимые силы

сжимают его грудь. В голове бешено закружились мысли: «Что со мной происходит?», «Кто эти монахи?», «Что это? Магия?»...

— Это он? — раздался голос первого из вошедших.

— Да, ваше блаженство, — Абнер склонил голову.

— Оставьте нас.

Это явно был приказ, который не обсуждается. Абнер вместе с двумя другими монахами безмолвно вышел.

Дверь закрылась, оставив профессора наедине с неизвестным. Вдруг Джеймс почувствовал, как невидимые путы стали слабеть. Профессор рухнул на колени. Первое, что он смог из себя выдавить, это сиплый гортанный звук. Его руки дрожали, все мышцы еще находились в напряжении, по телу бежал холодный пот, а каждый новый вдох отдавался болью в груди. Профессор снова попытался подняться на ноги, но они все еще не слушались его. Пустой зал давил своей тишиной, нарушаемой лишь его хриплым дыханием.

— Рад видеть тебя, Джеймс. Не бойся. Твое тело просто адаптируется. Скоро все пройдет, — раздался спокойный и безмятежный, но от того еще более жуткий голос.

Вскоре тяжесть действительно отступила, сменившись странной легкостью. Джеймс вдохнул глубже, чувствуя, как к нему постепенно возвращается контроль над телом.

— Что вы со мной сделали? — выговорил Джеймс сквозь стиснутые зубы.

— Ничего. — Незнакомец сделал шаг вперед. Мантия колыхнулась. — Твое тело сопротивлялось пробуждению. Оно забыло, кем должно быть. — Капюшон откинулся. — Позволь представиться, мое имя Гавриил.

— Что вам от меня нужно? Вы хотите меня убить? — Джеймс попытался подняться, но ноги снова подкосились.

Монах стоял напротив Джеймса, на расстоянии вытянутой руки.

— Все наоборот. Я здесь, чтобы помочь тебе вспомнить, кто ты есть.

Гавриил приблизился. Его руки, костлявые, с вздутыми венами под тонкой кожей, оперлись о стол.

— Ты пришел сюда не случайно. Ты многое увидишь. И многое поймешь. — Гавриил улыбнулся, но его улыбка казалась, скорее, хищной.

Держась одной рукой за спинку стула, а другой опираясь о край стола, Джеймс пытался балансировать, чтобы не потерять равновесие.

Монах отошел от стола, выпрямился и поправил фолиант в кожаной обложке, который носил на пояском ремне. Он медленно подошел к стене и дотронулся до нее рукой. Раздался скрежет, и тяжелый камин вдруг начал отодвигаться, открывая черный проем в стене.

— Сейчас ты должен пойти со мной, — сказал Гавриил.

Джеймс почувствовал, как его охватывает сомнение. Все происходящее казалось ему чем-то нереальным.

— Вы всерьез полагаете, что я просто последую за вами в темноту, не получив ответов? — голос Джеймса дрогнул. — Я и шагу с места не сделаю, пока вы мне не объясните, что тут происходит.

— Не таким я тебя представлял, — монах ухмыльнулся.

— С чего я должен вам доверять? — прошептал Джеймс.

— Доверие здесь ни при чем, — ответил Гавриил. Его голос потерял всякую мягкость. — У тебя есть выбор. Но ты действительно хочешь уйти?

Джеймс стоял молча. Слова монаха отзывались в голове, и он понимал, что у него сейчас действительно не было другого выбора, чтобы узнать ответы на свои вопросы. Наконец он сделал шаг вперед.

— Вот и славно, — добавил Гавриил.

— Ладно. Но если это какая-то уловка, — профессор бросил настороженный взгляд на Гавриила, — вы за это ответите.

Пальцы Гавриила, холодные и цепкие, внезапно сомкнулись на висках Джеймса. Монах пристально смотрел в глаза профессора, будто читая строки невидимой книги.

— Время на исходе, — прошипел он, и в его голосе впервые прозвучала неподдельная тревога. — Его куда меньше, чем я предполагал.

— Отпустите! Что вы себе позволяете? — Джеймс рванулся, но хватка была железной.

— Успокойся. Или потеряешь сознание.

Пальцы разжались. Джеймс едва устоял.

— Идем. — Гавриил шагнул в проем.

* * *

Тоннель был узким и сырым. Оказавшись внутри, Джеймс ощутил, как холодный воздух обвивает его лицо. Воздух пах плесенью, землей и озоном, словно после грозы. За спиной раздался скрежет — камин вернулся на место, отрезав проход от остального мира. Света не было. Лишь через мгновение впереди вспыхнуло мягкое сияние и все пространство вокруг озарилось ярким светом. Джеймс зажмурился, но через секунду понял, что свет не ослепляет. Перед собой он увидел Гавриила. Тот держал в руке какой-то яркий предмет, похожий на кристалл, подняв его над головой.

— Не отставай, — бросил монах через плечо и, не оборачиваясь, зашагал вперед по узкому проходу.

Джеймс хотел что-то сказать, но только тихо выругался себе под нос. Ему ничего не оставалось, кроме как проследовать за Гавриилом.

Они шли. Ступени вели то вверх, то обрывались вниз. Стены были влажными от сырости, в воздухе пахло плесенью, а с низкого потолка время от времени капала вода.

— Энергия, которую ты ощутил, — продолжил Гавриил, также не оборачиваясь, — слишком сильна для обычного человека. Она сжигает изнутри. Но ты... ты совладал с ней.

— О чем вы? Какая энергия? — Джеймс ускорил шаг.

— Та, что в твоей крови. Ты — потомок Прейстонтов. Это объясняет все.

— Простите, кого? — Джеймс не сдержал нервный смешок. Он был полностью уверен, что его явно с кем-то спутали.

— Твоя семья, Джеймс, хранит тайны, о которых ты еще не знаешь, — ответил Гавриил. — Ты последний из линии, заключившей союз с нашим видом. Для меня честь работать с тобой.

— Союз? При чем тут я? Я профессор, а не тот, за кого вы меня принимаете!

Гавриил остановился, отодвигая свободной рукой старую паутину, свисающую с потолка.

— Потому что ты, Джеймс, был рожден для большего, — ответил монах. — Просто мощь, которой ты обладаешь, еще спит в тебе.

— А если я откажусь? — спросил Джеймс, в его душе кипели сомнения. — Я не герой, не избранный. Все это должно быть ошибкой.

— Ты можешь отказаться. — Гавриил пожал плечами. — Но тогда мир станет ареной, где тьма будет господствовать без конца. У тебя есть выбор. Но твоя кровь уже сделала его за тебя. Прейстонты — один из пяти великих родов, кому мы открыли знания. Твоя кровь несет в себе ключ к восстановлению порядка и равновесия.

— Я, кажется, читал о том, что вы говорите, но ведь это не более чем сказка, — удивился профессор.

— Как бы не так, мой друг! Ты помнишь, чем знаменит хотя бы один из пяти великих родов?

— Да, изгнанием злых духов, тайными знаниями и другой разной чушью. Если вы про это.

— Чушь, значит, — возмутился Гавриил. Он резко повернулся, поднеся кристалл света к лицу Джеймса. Тот зажмурился и прикрыл глаза рукавом пиджака. — Ты пока толком не понимаешь истинной причины происходящего, верно? Но твой исход уже предрешен! Да, может быть, ты скажешь, что ничего не выбирал, но выбор уже был сделан еще задолго до твоего рождения. Придание гласит, что именно род Прейстонтов поможет установить равновесие.

— И вы один из них?

Смех Гавриила прозвучал сухо, безрадостно.

— Не все сразу. Идем. Нам сюда.

Они все шли и шли, то поворачивая, то поднимаясь. Каменные ступени под ногами, казалось, вели не вверх, а вглубь чего-то древнего и могущественного.

— Мне вот интересно, откуда ваш епископ знал текст книги, которую видели всего лишь несколько ученых во всем мире? — спросил Джеймс.

— Он знал автора, — ответил Гавриил. — Аулас, сколько я его помню, всегда выделялся среди лидеров других родов своим умением вести за собой людей.

— И я, по-вашему, должен в это поверить? Книге больше нескольких тысяч лет, как он мог его знать?

— Верить или нет — это твое дело, но много веков назад ее написал Аулас Кромптон, родоначальник всех Кромптонов. Были, конечно, и другие: Фрайсторы, Прейстонты, Арсариты и Басфуры. Все они оставили свой след в том писании, что нашел при раскопках твой друг.

Они вышли в огромное, пустое помещение. В нос сразу ударил слабый сладковато-металлический запах. Помещение было огромным, но странно пустым. Свет исходил от одной единственной люстры в виде плоского обруча, тремя тонкими цепями подвешенного к высокому сводчатому потолку. В центре стоял круглый деревянный стол, вокруг которого находились тринадцать массивных стульев. А в толще стен, меж камней, темнели два проема, прикрытые дверьми. Их темную древесину полностью покрывали древние скрижали с полустертыми письменами.

— Что это за место? — спросил Джеймс, но Гавриил стоял к нему спиной, воздев руки.

— Начинается, — громко произнес монах.

В ту же секунду свет в комнате стал невыносимо ярким для глаз Джеймса. Он упал на колени, вжал лицо в ладони. Стоило ему только приоткрыть глаза, как их тут же пронзала боль и из них непрерывно текли горячие слезы.

— Встань, Джеймс. Встань и подойди. Они хотят тебя видеть. — Голос Гавриила звучал спокойно, но был пронизан неоспоримой властью.

— Не могу... — прошептал профессор, прижавшись к полу. Его тело дрожало от напряжения.

— Ты прошел слишком далеко, чтобы отступить.

Джеймс поднялся и сквозь пелену слез увидел, что за столом уже сидели двенадцать фигур в багровых мантиях. Капюшоны скрывали их лица. В голове профессора проскользнули мысли: «Как это возможно? Кто эти люди?».

— Добро пожаловать, Джеймс, — произнес Гавриил. — Перед тобой представители Совета тринадцати соборов. Мы — хранители древних знаний и тайн.

— Ваш род, Джеймс, и наш Совет связаны на протяжении многих веков, — заговорила женщина, сидевшая ближе всех к профессору. — Ты — последний, кто может восстановить этот союз.

Она выдержала короткую паузу, после чего добавила:

— Господа, думаю, он готов.

Через мгновение капюшоны были сброшены. Тринадцать пар глаз уставились на Джеймса. Мужчины, женщины, подростки — все возрасты, но в каждом взгляде одинаковая глубина, будто они видят сквозь время. Их взоры пронзали, обнажая душу.

— Что вам от меня нужно? — голос Джеймса сорвался.

— Ты должен принять свое предназначение, — ответил мужчина с другой стороны стола.

— Я обычный профессор, а не герой какого-то древнего пророчества. Вы ошиблись!

— Ошибки исключены. Ты тот, кто был избран веками назад. Мы не можем делать выбор за тебя. Мы не имеем права вмешиваться в ход самой жизни, но знания твоего рода принадлежат тебе по праву.

— Почему я? — крикнул Джеймс, и тут свет снова стал невыносимо ярким и обжигающим, словно раскаленный металл. На этот раз боль была физической, обжигающей. Он пытался заслонить лицо руками, но свет проникал все глубже, заставляя каждую клетку его тела гореть.

— Жжет, как же жжет, — закричал профессор, согнувшись от боли и снова упал на колени.

В голове профессора стали возникать странные воспоминания о ритуалах и клятве нерушимому союзу, которые он раньше никогда не видел, но через секунду все прекратилось так же внезапно.

Джеймс лежал на каменном полу посреди серой невзрачной комнаты. В помещении никого не было. Стол с тринадцатью стульями выглядел таким же, как и прежде, за ним не было никого. Лишь Гавриил по-прежнему стоял на своем месте, наблюдая за профессором, пускающим слюну на каменный пол.

— Это... что это было? — спросил Джеймс, стоя на четвереньках. Его голос был едва слышен. Он чуть приподнял голову и уставился на монаха налившимися кровью глазами. По лбу профессора стекал пот, а на шее торчали вздутые вены.

— Члены Совета хотели лично убедиться.

— Убедиться в чем?

— Когда они узнали, что потомок Прейстонтов жив, то не поверили мне на слово.

— Куда... куда они делись? — спросил профессор. Его взгляд метался по комнате в поиске ответов.

— Они ушли, — спокойно сказал Гавриил, наблюдая за Джеймсом. Голос звучал так, будто ничего необычного не произошло. — Теперь все зависит от тебя.

Джеймс поднялся, шатаясь.

— Вы руководитель собора?

— Да, все верно, но давай не будем задерживаться, впереди тебя ждет еще много всего интересного...

— Постойте, постойте. Вы так ничего мне и не объяснили. Какое предназначение? Что за союз я должен восстановить?

Гавриил поднял руку, требуя тишины.

— Скоро узнаешь сам.

Он подошел к одной из дверей, покрытых скрижальями, и толкнул ее. За ней открылся иной коридор. Его пол отливал темной зеленью, словно воды глубокого моря. Пройдя мимо узких витражных окон, они оказались перед новой дверью. Она была высокой, в рост самого потолка, с массивными серебряными ручками, похожими на закрученные рога. Джеймс сразу обратил внимание на руны, украшающие саму дверь. Они отличались от тех, что он видел на других дверях. Эти были единым целым и покрывали всю поверхность двери густым, причудливым узором. Краска на них была довольно старой и потрескавшейся от времени, но еще сохранившей яркий цвет. Профессор вглядывался в символы, пытаясь понять их смысл. Его голова начала кружиться, будто воздух стал слишком тяжелым.

Гавриил повернул ручку, пропуская Джеймса вперед, но даже не заметил, как тот начал терять сознание. Профессор упал на пороге комнаты, сильно ударившись головой о гранитный пол. Тьма стала накрывать его, но Джеймс чувствовал, что он не один. Где-то глубоко внутри, за

пределами сознания, ему казалось, что кто-то наблюдает за ним. Легкие шаги тихо отдалялись, пока всё вокруг окончательно не погрузилось в полную тишину.

Глава 4

ЗНАКИ СУДЬБЫ

Открыв глаза, Джеймс увидел белый потолок, испещренный паутиной трещин, расходящихся во все стороны. Холодный воздух щекотал кожу, а в комнате стоял сладковатый аромат ладана, смешанный с пылью веков.

Профессор лежал на кровати, укрытый тонким, но довольно теплым одеялом. Голова гудела, пульсируя тупой болью. Последнее, что помнил Джеймс, был кабинет Гавриила.

Джеймс приподнялся на локтях, из-за головокружения комната поплыла перед глазами. На спинке стула, стоявшего в углу, висел его пиджак. Там же, на стуле, были аккуратно сложены рубашка, брюки и галстук. У окна, залитого бледным светом, стоял письменный стол. На нем — хрустальная ваза с букетом свежих хризантем. Их аромат разносился по комнате слабым осенним ветерком из приоткрытого окна. На другом краю стола лежала библия в кожаном переплете.

Внезапно дверь в келью открылась, и в помещение вошел Гавриил. Его тень на мгновение перекрыла свет. Он остановился перед кроватью, взял стул и сел напротив профессора.

— Я рад, что ты с нами, Джеймс. Как себя чувствуешь? — голос Гавриила был ровным и бархатистым.

— Голова... будто наковальня, — прошептал Джеймс, еле шевеля высохшими от жажды губами.

Он с трудом сел, опершись спиной о край кровати.

— Где я?

Он смотрел в окно, но там были видны лишь крыши соседних зданий и клочок серого неба.

— Ты все еще в соборе, — ответил Гавриил с улыбкой. — Эта келья будет твоей... на время.

— На время чего? — переспросил Джеймс, чувствуя, как по спине пробежал неприятный холодок.

— Пока тебе не полегчает, — ответил Гавриил, задумавшись на секунду.

— Почему я не помню, как попал сюда?

— Сотрясение. Ты упал и сильно ударился головой. Память вернется, не сомневайся.

Джеймс инстинктивно поднял руку, пальцы нащупали на правом виске болезненную, горячую припухлость.

— А-а! — и он резко отдернул ее.

— Да, крепко ты расшиб голову. Пока я тебя тащил, даже остался след от двери до кровати. И на подушке тоже. — Взгляд Гавриила скользнул по наволочке за спиной Джеймса.

Профессор обернулся. Увидев на наволочке безобразное бурое пятно почти засохшей крови, он побледнел, ему снова стало дурно.

— Не тревожься, — успокаивающе произнес монах. — Энергия этого места уже не одну сотню лет исцеляет раны. И твой пустячный ушиб — не исключение.

— Пустячный? — возразил профессор.

— Просто оставайся в стенах собора еще несколько дней, и он бесследно исчезнет сам собой. — голос Гавриила звучал как непреложная истина, не терпящая возражений. — В этом можешь не сомневаться.

— Как долго я был без сознания? — спросил профессор.

— Почти три дня.

— Три дня... — пробормотал Джеймс. — Целых три дня!

— Долго, согласен. Но твоему телу требовалось время на перестройку. А пока... — стул под монахом скрипнул. Гавриил поднялся, его макушка почти касалась потолка. — Вставай, приводи себя в порядок. Через два часа жду в трапезной.

* * *

Джеймс пришел немного раньше назначенного времени. Трапезная гудела, словно расстроенный улей. За длинными столами сидели монахи. Их оживленный разговор резко оборвался, когда в дверях появился профессор. Десятки глаз вмиг устремились на него одного. Взгляды людей в рясах были колючие и оценивающие. Они видели в нем не гостя, а переменную в сложном уравнении, новую, непредсказуемую и оттого опасную.

Гавриил сидел в стороне. Его спокойствие казалось броней среди общей нервозности. Профессор подошел и сел напротив. На столе дымилась тарелка горячего супа. У Джеймса тут же заурчало в животе.

— Ешь, пока не остыло, — сказал монах, закусывая свой суп куском черного хлеба. — Должно быть, проголодался.

— Спасибо, — ответил Джеймс и, взяв ложку, принялся обедать. Несмотря на ароматный запах, еда была совершенно безвкусной.

«Они смотрят на меня, как на призрака, — пронеслось у него в голове. — Или как на оружие, которое вот-вот даст осечку».

После обеда монах с профессором отправились прогуляться по собору. Выйдя из столовой, они почти столкнулись с бегущей навстречу девушкой. Она взглянула на Джеймса, и в ее глазах на секунду мелькнуло нечто неуловимое — то ли удивление, то ли испуг. Уже через мгновение она исчезла за поворотом. Это лицо... Он знал его. Но никак не мог понять, где видел эту молодую особу. Это было похоже на попытку вспомнить сон через минуту после пробуждения, когда нет ясности и остается лишь смутный, тревожный осадок.

Увидев растерянный взгляд профессора, устремленный вслед девушке, Гавриил едва заметно улыбнулся, но в его улыбке была какая-то печаль.

«Ты даже не представляешь, что тебя ждет, Джеймс», мысленно обратился Гавриил к Джеймсу, но не стал произносить это вслух.

Подойдя к очередной деревянной двери, инкрустированной сталью, монах открыл ее и пропустил профессора вперед. Влажный, густой воздух, пропахший сырой землей и ароматом экзотических цветов, ударил в лицо. Они оказались в зимнем саду. Под стеклянным куполом буйствовала зелень, вились лианы, цвели самые разные растения. Где-то в глубине журчала вода — несколько фонтанов, украшенных потускневшей позолотой, наполняли пространство умиротворяющим журчанием. В центре сада, на постаменте из черного камня, стояла статуя юноши из белого мрамора с идеальным, но абсолютно безжизненным лицом. Из кувшина в его руках лилась вода, стекая вниз, к подножию.

— Джеймс, я знаю, что ты в замешательстве, — начал Гавриил, подходя к фонтану. — Твоя роль кажется тебе туманной, но это лишь... — и его слова утонули в скрипе открывающейся двери. В сад, словно порыв тревожного ветра, ворвалась та самая девушка. Ее дыхание было частым, а лицо очень бледным.

— Приношу свои извинения за дурные вести, господин, — произнесла она полушепотом, подходя к монаху. В ее голосе слышалось напряжение.

— Что стряслось, Изабелла? — спросил Гавриил.

— Прошу вас, пройдемте. Случилось то, чего вы так опасались.

Спокойствие Гавриила испарилось в мгновение. Его осанка изменилась, плечи расправились. Он повернулся к ничего не понимающему Джеймсу:

— Мне нужно тебя оставить. Вернемся к нашему разговору позже.

— Могу ли я узнать, что случилось? — настаивал профессор.

— Война, — отрезал Гавриил, уже шагая к выходу.

Это слово прозвучало, словно щелчок затвора. Джеймс не отставал, едва поспевая за монахом.

— С кем? В мире сейчас нет войн...

Гавриил резко остановился, и Джеймс едва не врезался в его спину. Монах обернулся. Его взгляд, обычно мягкий, сейчас был холодным и непроницаемым.

— Довольно об этом. Пока ничего не будет известно, ни слова больше, — его низкий голос прозвучал как приказ, не оставляя места для вопросов.

Он окинул взглядом тропические заросли, будто осматриваясь, хотя в саду, кроме них, никого не было. А спустя мгновение все же добавил:

— Хотя... тебе стоит увидеть это своими глазами. Так ты быстрее поймешь, с чем имеешь дело.

— Тогда ведите, — немедленно согласился Джеймс.

Будучи в не лучшей физической форме после травмы, Джеймс плелся за монахом и его спутницей, периодически отставая. Он уже почти окончательно выбился из сил, но тут они вдруг остановились перед распахнутой высокой дверью.

— Скорее, заходите, — раздался из комнаты чей-то незнакомый грубый голос.

Джеймс вошел, а когда дверь закрыли, то он увидел, что она являлась частью огромной гексаграммы, изображенной на стене.

— Начинаем, — произнес тот же хриплый голос. Он принадлежал мужчине с острой бородкой, в очках с толстыми линзами, который сидел за пультом, уставленным мерцающими экранами и разными приборами со стрелками.

Спустя несколько мгновений включился центральный экран с изображением карты города.

— Доложите обстановку, — сказал Гавриил, скрестив руки на груди.

— Наша группа угодила в ловушку, в северной части города, на фабрике «Wickler and sons»? — отчеканил оператор, не отрываясь от экрана.

— Потери?

— Шестеро наших агентов убиты, — сказал мужчина.

В зале повисла гробовая тишина, нарушаемая лишь тихим жужжанием приборов.

— Энергию успели собрать? — спросил Гавриил. Пауза затянулась.

— Связь отрубилась, поэтому мы поздно перехватили сообщение о перестрелке. Когда отряд зачистки прибыл на место, спасать было некого, — отрапортовал оператор.

— Плохо дело, — разочарованно произнес Гавриил. — Эти изгои с каждым разом становятся все опаснее.

Взявшись рукой за подбородок, он стал внимательно что-то рассматривать на карте, затем, не оборачиваясь, сказал:

— Ты сможешь нам положить этому конец, Джеймс.

— Я? — переспросил профессор, надеясь, что ему это послышалось.

— Да, ты, — подтвердил опасения Джеймса Гавриил.

— Но я же не солдат, война — не мое дело, — начал оправдываться профессор.

Гавриил развернулся к нему и подошел так близко, что Джеймс почувствовал его дыхание.

— Да, ты пока не готов, поэтому останешься в соборе, тут для тебя есть другая работа.

— Что значит пока не готов? — удивился профессор.

— Пойми, ты здесь не случайно, Джеймс, — голос монаха стал жестче. — Твои исследования, твои экспедиции... они не раз пересекались с линией фронта этой войны, о которой ты и не подозревал.

Старик окинул взглядом всех окружающих людей и сказал:

— Мы не знаем, откуда у противника наши данные, раньше я подозревал, что кто-то из наших агентов сливает ему информацию. Сегодня эта ситуация доказала, что предатель среди нас, и он в этом соборе. Его нужно найти и уничтожить! Всем понятно? — обратился он к окружающим. Они поклонились и, разбежавшись в разные стороны, принялись за работу.

Когда Гавриил закончил, он проводил озадаченного профессора до дверей:

— Запомни, Джеймс, самое важное событие в твоей жизни совсем скоро произойдет, но ты должен будешь быть готов сделать выбор.

Дверь закрылась. Джеймс остался один в полутемном коридоре. Слова монаха висели в воздухе: «Ты должен сделать выбор». Между чем и чем? Между жизнью и смертью? Между знанием и неведением? Собор, который он считал тихой гаванью, оказался настоящим «военным штабом», цитаделью, полной скрытых технологий и тайн. Тишина вокруг была теперь звенящей, насыщенной скрытыми смыслами.

* * *

Он медленно побрел к своей келье. То и дело останавливаясь у скульптур, профессор внимательно разглядывал их. И теперь везде замечал те самые символы, которые преследовали его в ночных кошмарах. Они были высечены в камне, выписаны золотом на окладах икон, вплетены в орнамент витражей. Они были везде. Везде.

«Это не могло быть простым совпадением. Это знак. Но что они означают?», не мог понять Джеймс.

У лестницы его внимание привлекла картина, изображавшая сцену суда. И снова этот символ — на ладони одного из судей. Джеймс замер, пытаясь расшифровать послание.

— ...усильте патрули на первом уровне, — раздался рядом звонкий, мальчишеский голос, но интонации были командными, взрослыми.

Профессор обернулся. К священнику в рясе обращался мальчик лет двенадцати. Уши слегка оттопырены, челка редкая, но взгляд... Взгляд был как у старика, уставшим и невероятно пронизательным. Отдав распоряжения, мальчик повернулся и прямо направился к профессору.

— Добрый день. Вы, я так понимаю, мистер Кровис?

Его голос был чистым, ясным, но в его глубине звучали странные, недетские обертоны.

— Да. А могу я услышать ваше имя, молодой человек?

Мальчик рассмеялся. Звонко, по-детски беззаботно. И этот диссонанс сводил с ума.

— Внешность порой бывает обманчива, мистер Кровис. Меня зовут Алекс. Я отвечаю за безопасность этого собора уже второе переселение подряд. Хотел лично с вами познакомиться и узнать, как вам у нас? Не заметили ничего странного, пока находились в соборе?

— Странного? — Джеймс с горькой усмешкой развел руками. — Да тут все странно, начиная от светящихся камней и заканчивая тем, что вы в таком юном возрасте уже отвечаете за безопасность собора.

Алекс снова рассмеялся, но смех так же внезапно оборвался.

— Вы скоро ко всему привыкните. Кстати, камни мы называем лютами. Это кристаллизованная энергия. У каждого из нас есть свой камень, — мальчик ловко достал из кармана прозрачный, как слеза, кристалл размером с голубиное яйцо. Камень светился у него на ладони, хотя при дневном свете это сияние было приглушенным.

— Сгусток энергии? — удивился профессор, разглядывая прозрачный предмет.

— Я раньше не видел ничего подобного, — он взял кристалл в руку и тот сразу перестал гореть.

— О, вам еще многое предстоит увидеть, мистер Кровис. Кстати, мне сказали, что вы совсем недавно потеряли сознание и три дня провели в постели, это правда?

— Да, мне и самому с трудом в это верится, — ответил профессор. — Я сказать честно, до сих пор чувствую легкое головокружение.

— Вы спали очень долго, профессор, может быть, вам снилось что-то необычное?

— Нет, совершенно ничего. Я словно закрыл глаза на одно мгновение и тут же их открыл.

А могу я тоже вас кое о чем спросить?

— Конечно, все что угодно.

— Кто такая Изабелла?

— Изабелла.... — задумался на секунду Алекс. — Правая рука Гавриила. А почему вы спрашиваете?

— Мне кажется, я ее знаю. Где-то видел раньше.

— Конечно, знаете. — Мальчик кивнул, как будто это было очевидно. — Она была вашей студенткой. Несколько семестров. И параллельно... собирала для нас кое-какую информацию о ваших исследованиях.

— Вы за мной шпионили?

— Охраняли, — поправил Алекс. — Вспомните свою первую экспедицию в Аскел, вам тогда было всего 22 года. Нападение бандитов ночью. Считали это случайностью? А поездка в Туньяту?! Человек по имени Саймон спас вам жизнь, а через неделю его нашли мертвым. Он был нашим агентом. Вторым, кто вас курировал. Нам так и не удалось узнать, кто это сделал... Третьим был помощник Гавриила. Он бесследно исчез, будто испарился. Его место заняла Изабелла. Она наш четвертый агент, отправленный к вам. Мы не могли позволить, чтобы с вами что-то случилось. Ваши исследования слишком важны.

Джеймс не верил своим ушам. Вся его жизнь — экспедиции, открытия, случайные спасения — оказалась тщательно спланированной операцией.

— Чего же вы от меня ждете? — наконец выдал он. — И что если я не оправдаю ваших надежд?

Парнишка бегло посмотрел на картину, висящую на стене, а затем перевел взгляд на Джеймса:

— Не думайте сейчас об этом. Некоторые вещи лучше узнать со временем, мистер Кровис. Вы не помните всего, и это хорошо. Но скоро вы вспомните то, что поможет каждому из нас. Я знаю, что Гавриил уже рассказал вам о войне, но сначала я хочу спросить вас вот о чем. Знаете ли вы, против кого мы ведем эту войну?

— Нет. Он лишь сказал, что я могу помочь. Но как, черт возьми, я могу помочь, если не понимаю сути конфликта?!

— Если коротко: все, чему мы противостояем, это лишь разногласия многовековой давности, — ответил Алекс. — С теми, кто когда-то нас предал и теперь пытается навязать миру свои правила и порядки. Мы высылаем отряды, чтобы устранять эти... «рудименты».

— Отряды зачистки? — спросил Джеймс.

— Нет. — Алекс улыбнулся. — Вы всё не так поняли.

— Хорошо, — сквозь боль улыбнулся профессор. Его состояние вдруг ухудшилось, и он почувствовал пульсацию в месте ушиба. — В начале нашего разговора вы сказали «второе переселение». Что это значит?

— Что ж, прошу за мной! — восторженно вскрикнул Алекс. — Вы сейчас сами всё увидите.

Он взял Джеймса под локоть и куда-то повел.

— Вы должны понимать, мистер Кровис, что даже после смерти, в телесной оболочке остается энергетическая составляющая, и до определенного момента, разумеется, ее можно собрать только при помощи специального оборудования. Для этого и был создан отряд зачистки.

В этот момент они подошли к металлической двери с номером 121. Ключ щелкнул в замке. За дверью оказался узкий проход с еще тремя дверями. Алекс открыл первую — 121А.

Оказавшись внутри, профессор увидел сотни разных колб, стоящих рядами на многоярусных стеллажах. Внутри каждой клубилось, переливаясь мягким светом, странное вещество, напоминающее по своей консистенции туман.

— Что это? — спросил Джеймс, с любопытством разглядывая необычные сосуды.

— Это и есть то, о чем мы говорили, — ответил Алекс, и его голос в этом склепе звучал торжественно. — Это энергия. Когда отряд зачистки собирает энергию с тел, мы помещаем ее в специальные емкости.

— Вы... вы собираете души?

Алекс усмехнулся.

— Это не души, профессор. Это то, что остается после них. Частица света. Она может быть уничтожена, но ее можно и использовать.

— Как?

— Смотрите, для хранения энергии мы используем эти стекляшки, но когда приходит время, мы переносим ее в подготовленные к переселению тела. Если будет нужно, то мы сможем поместить энергию даже в эмбрион еще не рожденного младенца, но это слишком долгий путь, поэтому такой способ мы давно не используем. К тому же у нас есть детские дома. В них выращивают и воспитывают детей, а когда подходит время, идет их распределение в места, подобные этому. В детские сады энергию привозят из соборов в этих сосудах, но те, что вы видите здесь, я специально распорядился оставить. Кто знает, может быть, они еще сыграют свою роль....

В этот момент мир Джеймса, его стройная, научная картина мира с треском рухнула и рассыпалась в прах. А на ее обломках проступали контуры иной, пугающей реальности, которую он интуитивно всегда чувствовал, но боялся признать. Он стоял среди этих тихо светящихся сосудов, и каждый из них был немым укором его прежнему неведению.

Пройдя мимо стеллажей, он попал в другую комнату, где на стенах висело несколько полок с оружием. По словам Алекса, это были их собственные разработки. Эти вещи казались неискушенному глазу настоящими произведениями искусства. Все они имели свой уникальный и неповторимый внешний вид. Каждый выступ, каждая деталь были до мелочей продуманы, и казалось, что этим изобретениям место, скорее, в музее или в коллекции какого-нибудь миллиардера, чем здесь, в этой пыльной темной комнате.

— Вы думаете, все эти устройства — что-то новое? — спросил мальчик, видя, как Джеймс внимательно их изучает. — Они основаны на знаниях, утраченных миром столетия назад, — объяснил Алекс.

Джеймс подошел к одному из стеллажей и взял в руки небольшой плоский диск по размерам не больше обычной тарелки для фрисби.

— Осторожнее, — тут же предупредил Алекс. — Это аннигилятор. Очень капризная штука.

— Для чего он?

— Уничтожает все живое в радиусе двадцати метров. И не разбирает, где свой, где чужой. Если активируется — конец всем. Довольно радикальное решение.

Алекс аккуратно забрал у профессора аннигилятор и поставил на место.

— У нас есть целая лаборатория. В ней работает доктор Слипс, именно он является идейным вдохновителем многих наших разработок. Вам бы не мешало с ним познакомиться.

— Лаборатория? В соборе? — с удивлением переспросил Джеймс.

— Собор, как вы уже поняли, — это соединение древних знаний и современных технологий, созданных на их основе. Поэтому все эти устройства и вещи, что вы здесь наблюдаете, — результат тайных исследований, которые невозможно проводить открыто. Ну а доктор, кстати, самый обычный человек, — добавил мальчик. — Уверен, вы найдете с ним общий язык. Он может вам рассказать об энергии собора гораздо подробнее, чем я.

* * *

Головная боль новой волной накатила на Джеймса, пульсируя в такт его тревожным мыслям, и он, попрощавшись с Алексом, направился в свою келью. По пути он вновь и вновь встречал на стенах и потолке уже знакомые символы. Собор Святой Сюзанны оказался не просто религиозным местом, как думал профессор раньше, а самым настоящим центром древних знаний, где мистические практики соединяются с наукой. Что-то отталкивало его от собора, но, с другой стороны, притягивало со страшно неведомой силой.

Келья была убрана, постель застелена свежим бельем. Аромат цветов в хрустальной вазе, прежде успокаивающий, теперь казался приторным и навязчивым. Джеймс рухнул на кровать. Тело не слушалось, мысли путались — всё вокруг было словно в тумане. Перед ним проплывали образы: трещины на потолке, сквозь которые проглядывал не свет, а тьма; безжизненные глаза мраморного юноши из фонтана; переливающийся свет в колбах; древние символы, сплетающиеся воедино; и ее лицо — Изабеллы. Знакомое. Единственное среди всех.

— Они следят за мной с двадцати двух лет, — прошептал он с ужасом. — Вся моя жизнь — чья она была? Моя? Или всего лишь долгая подготовка к этому моменту? К этому ... выбору?

Его последней осознанной мыслью перед тем, как провалиться в беспокойный сон, было то, что самые важные знаки судьбы редко бывают громкими. Они тихие, как шепот, как шелест страниц древней книги в безмолвной келье. И их невозможно игнорировать, когда они начинают складываться в твою собственную, давно предначертанную историю.

Глава 5

СТРАННЫЙ ДОКТОР

Открыв глаза, Джеймс ощутил, как холод ночи пробирается сквозь толстые стены собора, заставляя его содрогнуться. Он неторопливо перевернулся на спину и взглянул на часы. Шел второй час ночи.

Слабый свет уличных фонарей проникал в келью через пыльное окно. Отражаясь от стен и потолка, он отгонял мрак ночи, наполняя уютную и холодную комнату хоть каким-то подобием жизни.

Тишину изредка нарушали приглушенные хлопки. Джеймс подошел к окну. За темными силуэтами домов в небе вспыхивали разноцветные искры салюта. Они расцветали, словно хризантемы или георгины, и тут же гасли, один за другим, исчезая в пучине черного неба.

Желудок профессора предательски заурчал, напомнив, что вчера, измотанный насыщенным днем, он от усталости забыл про ужин. Джеймс решил прогуляться, чтобы подышать свежим воздухом и хоть немного отвлечься. Он подошел к двери, дернул ручку, но та не поддавалась. Надавил сильнее. Заперто.

— Что за черт?

Он попробовал еще раз — рывком. Потом толчком плеча. Бесплезно. Не понимая, что все это значило, он начал терять терпение. В груди нарастала неприятная тяжесть, переходящая в легкую панику.

— Эй! Меня кто-нибудь слышит? Откройте! — закричал он, отчаянно барабанил кулаком по двери.

В ответ тишина. Поняв, что его заперли, Джеймс в бессильной злости медленно отступил и в сердцах пнул дверь. Затем распахнул окно, впусив в комнату поток ночной прохлады. Ветер тотчас надул тяжелые портьеры, словно паруса. Город спал: почти все окна соседних домов были темными. Лишь по обеим сторонам широкой улицы тянулся шлейф ярких фонарей, обрывающийся только у самого берега реки, где дорога поворачивала и шла вдоль набережной.

Джеймс свесился через подоконник — и мгновенно отпрянул. Голова закружилась от пугающей высоты. Он тяжело опустился на край кровати, достал телефон. На экране застыли несколько пропущенных звонков от аспиранта. Джеймс перезвонил.

— Алло?.. — голос Бена был сонным.

— Бен, прости, я совсем забыл про время, — сказал Джеймс, уставившись в темное окно. — Позвоню завтра. — Мне нужна ваша помощь.

— Нет-нет, не вешайте трубку. — Бен будто мгновенно проснулся. Послышалось, как он торопливо скидывает одеяло. — Мне нужна ваша помощь.

Джеймс нахмурился.

— Что случилось?

— Я наткнулся на странную книгу в университетской библиотеке. Она... без названия, без автора, без года издания... на языке, который я не смог перевести.

Джеймс услышал в трубке шелест переворачивающихся страниц.

— И там есть странное место, — продолжил Бен. — Вырезана часть страницы, думаю, там было какое-то изображение. А внизу написано... — он замер на секунду, а потом произнес по буквам: — I-M-F-E-I-N-S-U-S.

По спине профессора пробежал холодок.

— Ты точно взял книгу в университете? — поинтересовался он. Джеймс был уверен, что ничего подобного в библиотеке университета быть не могло.

— Конечно! — Бен нервно усмехнулся. — Где же еще? Не украл же! Я наткнулся на нее совершенно случайно.

— Не пойми меня неправильно, но я думаю, что таким книгам точно не место в университете.

— Но я же... видел. Она просто лежала на полке.

— Imfeinsus, — медленно проговорил Джеймс. — Это существо из отраженной реальности. А текст, который ты не понял, — инструкция о том, как его призывать.

— Откуда вы... — начал было Бен, но Джеймс перебил. Содержание книги было ему знакомо. Слишком знакомо. Это одна из тех книг, которые он никогда не хотел бы видеть в стенах университета.

— Я догадываюсь, что у тебя в руках, но мы вряд ли сможем использовать это в твоей научной работе. Сейчас лучше сосредоточься на том, что у тебя уже есть, иначе мисс Крэйг тебе спуску не даст.

— Знаю, — с досадой ответил Бен, вспомнив даму со скверным характером, занявшую должность профессора Кровиса.

— Сфотографируй несколько страниц книги и пришли вместе со своей работой. Я посмотрю и постараюсь..., — вдруг телефон неожиданно завибрировал около уха и на экране появилось сообщение о разряженной батарее.

Джеймс выругался, достал из портфеля зарядное устройство и принялся искать розетку. Опустившись на одно колено, он заглянул под стол. Шнур питания просто лежал на полу. Джеймс чиркнул выключателем — и лампа включилась, хотя не была ни к чему подключена.

— Странно, — пробормотал профессор, не веря своим глазам. Он внимательно осмотрел лампу — никакого отсека для батареек не было, только провод.

Двигая мебель в поисках розетки, он так ничего и не нашел. Когда его все это утомило, он снова лег на кровать, пытаясь успокоиться. Перед глазами проплыли воспоминания: Рауд-эрвиль, столовая института, где он каждый день обедал... Да, сейчас было бы совсем не дурно оказаться там, подумал он. Тело налилось тяжестью, и профессор уже начал проваливаться в сон, как отчетливый щелчок дверной ручки заставил его вздрогнуть. Дверь начала медленно открываться, словно ее кто-то подтолкнул с другой стороны. От неожиданности Джеймс сам не понял, как спрыгнул с кровати и очутился на полу.

— Кто здесь? — спросил он, не отводя взгляда от входа.

Джеймс совершенно не понимал, как только что запертая дверь могла сама открыться. Он четко слышал, как повернулась ручка, но никаких шагов не было. Кто-то запер его, а потом бесшумно удалился? Или причина в чем-то ином? Но в чем?

Осторожно выглянув в коридор, профессор не обнаружил там ни души. Оставив дверь приоткрытой, он вышел и направился вниз по лестнице. Несмотря на поздний час, в здании почти везде горел свет. Пройдя половину северного крыла, Джеймс насторожился: откуда-то впереди доносился странный, невнятный шум. Двигаясь на звук, он оказался у нужной двери. Она была не заперта, и Джеймс заглянул внутрь.

В просторном помещении, слева от входа, на узком длинном столе стояли стеклянные колбы и пробирки с разноцветными жидкостями. В воздухе пахло машинным маслом и озоном.

На самом верху высокой металлической лестницы стоял седой мужчина. На его голове был черный обруч с проводами, уходящими в карман халата, запачканного масляными пятнами. Старик яростно жестикулировал и что-то оживленно объяснял, но из-за гула механизмов было невозможно разобрать ни слова. Джеймс осмотрелся — кроме старика, здесь никого не было. Но тот, размахивая одной рукой, продолжал что-то объяснять невидимому собеседнику, а второй пытался привинтить деталь к громоздкому агрегату, от которого во все стороны вдоль стен расходились трубки и провода.

— Простите! — крикнул Джеймс.

Мужчина прекратил монолог и посмотрел вниз без тени удивления, словно появление Джеймса было событием само собой разумеющимся.

— Секунду!

Когда деталь с глухим щелчком наконец встала на место, гудение стихло. Старик начал спускаться, вытирая руки о полотенце.

— Уже решил?

— О чем это вы?

— Остаться или уйти, — уточнил старик.

— Я еще не решил, — ответил Джеймс, удивляясь прямолинейности и холодности незнакомого человека.

— Ясно. Значит, уйдешь, как и все остальные, — многозначительно сказал мужчина и потянулся к рубильнику на стене. Он плавно опустил рукоять вниз. Наступившая тишина была оглушительной. Лишь на столе булькала кипящая жидкость.

— Ну вот, теперь будет как новая. — Старик прислушался и сам себе кивнул. — Да, в порядке!

Он снял с головы обруч и засунул его в потертый рюкзак.

— Не хотите перекусить? — спросил он Джеймса. — Моя покойная жена всегда делала отличные бутерброды с джемом. Она определенно знала секрет их приготовления. Но вы все равно попробуйте! Мои тоже ничего, хотя и суховаты.

Старик достал два бумажных свертка и один из них протянул Джеймсу. Профессор машинально развернул. Он был настолько голоден, что два подгорелых тоста, склеенных липким брусничным джемом, показались ему самой божественной едой на свете.

— Да, молоды мы были... — бормотал старик себе под нос, бродя между столами и туша горелки. — А теперь что? У меня есть работа, ведь так? Поработаю тут еще немного, да посмотрим...

Профессор был уверен: его визави немного не в себе. Джеймс с любопытством наблюдал за ним. Бледное, как восковая маска, лицо без эмоций. Пустой, бегающий взгляд. Он выглядел как человек, давно потерявший связь с реальностью, разучившийся различать границы между этим миром и тем.

— Я доктор Слипс. Но для своих — Барри. — Он внезапно схватил руку Джеймса. Его ладонь была сухой и шершавой, как наждачная бумага от постоянной работы.

— Джеймс, — ответил профессор, улыбнувшись в ответ.

— Приятно познакомиться, Джеймс. Что, не спится?

— Пошел прогуляться. Услышал шум, решил проверить, все ли в порядке. Следую, если можно так сказать, вчерашней инструкции, — с легкой насмешкой сказал профессор.

— Ничего не меняется... — неодобрительно покачал головой Барри.

— В каком смысле?

— Ты же сейчас про Алекса говоришь. Угадал?

— Да, но как?

— Несколько лет назад я уже слышал похожие слова, поэтому сейчас сразу понял. — Джеймс почувствовал, как внутри завязался неприятный узел.

— От кого?

Доктор отвел взгляд, будто решая, стоит ли говорить.

— От одного парня. Он тоже хотел узнать, что здесь происходит.

— Этот человек, о котором вы говорите, он тоже ученый?

— Нет, но парень был толковый.

— И где же он сейчас? Работает здесь?

Барри пожал плечами.

— Он исчез.

Джеймс почувствовал, как у него резко пересохло в горле.

— Что значит исчез?

Старик провел пальцем по пыльному столу, оставив четкий след.

— Его больше не видели. — Он помолчал. — Помню только, что здесь о нем постарались очень быстро забыть после того случая....

— После какого случая? — насторожился Джеймс.

— Не знаю я! — Барри вдруг всплеснул руками, и в его глазах мелькнула искра настоящего страха. — Мне никто не рассказывал. Но говорят, он стал неугоден то ли Гавриилу, то ли Алексу.

— А Алекс? Он при чем?

Барри наклонился ближе, будто их мог кто-то подслушивать.

— Разве не понял? — шептал доктор, уставившись на гостя. — Он не тот, за кого себя выдает. Да, он выглядит юным, но Алекс живет на земле не первую сотню лет. Переселение для них обычное дело, понимаешь?

— Вы всерьез в это верите?

— Сам увидишь. Когда их телесная оболочка приходит в негодность, они собирают энергетический остаток и отдают его мне в специальных сосудах.

— Вы о тех кристаллах с туманом внутри?

— Да. В них они и запечатывают свою энергию. Попробуй разбить хоть одну и тебя сразу же... — Барри осекся.

— Сразу же что? Убьют? — спросил профессор. Старик промолчал. — Так они поступили с тем парнем?

— Нет, парень здесь ни при чем. И я уже сказал, что не знаю, что с ним стало, — резко ответил Барри.

— Хорошо, хорошо, — попытался успокоить его Джеймс. — Что вы делаете с этой энергией дальше?

— Вставляю эти ампулы в ту машину и направляю на новый, если так можно сказать, жизненный путь. — Барри указал на огромный шкаф позади него, который и был причиной ужасного шума, когда Джеймс только пришел сюда. — Но даже не спрашивай меня больше об этом, мне запрещено это обсуждать.

— Кто запрещает? Алекс?

— Какая разница? Сказано — запрещают!

— То есть у Алекса это уже не первая жизнь?

— Кто его знает... — Барри, уставившись в одну точку, взялся за подбородок и прищурился, что-то вспоминая. — Помню, в прошлый раз его застрелили. Ему тогда было двадцать восемь.

Барри явно нервничал, когда рассказывал об этом, и определенно не был в восторге от разговора об Алексее, но что было тому причиной, доктор так и не сказал.

— Как это случилось? При каких обстоятельствах его убили?

— Это очень странная история. Подробностей не знаю. Но с тех пор он больше никогда не покидал стен собора и стал очень скрытным.

— То есть он чего-то боится?

— Я бы тоже боялся, будь на его месте.

— Но почему? Что он такого сделал?

Вдруг Барри снова схватил свой рюкзак и с озабоченным видом начал куда-то собираться.

— Вы уходите?

— Да, рад был познакомиться. Мне пора, уж слишком много я болтаю сегодня.

— Тогда последний вопрос. В соборе есть комната с огромными изображениями шести гексаграмм. Вы не знаете, для чего они?

Старик будто по шелчку пальцев вновь ушел в себя — взгляд стал стеклянным, сознание отключилось, и он полностью погрузился в свое странное, почти шизофреничное состояние. Продолжая хаотично метаться по помещению, он так ничего и не положил в рюкзак, но при этом не выпускал его из рук.

— Это для защиты от внешних сил, — неожиданно бросил доктор, разглядывая жидкость в одной из пробирок.

— От внешних сил? Гавриил мне ничего не рассказывал.

Барри схватил со стола пробирку с фиолетовой жидкостью и швырнул ее в рюкзак.

— Боюсь, если не вы, то больше никто не расскажет, — настаивал профессор, и в его голосе прозвучала тревога.

После этих слов старик резко прекратил суетиться, замер и повернулся к Джеймсу.

— Повторяю: я не знаю всех тонкостей. Знаю только, что это очень сильная защита. В то место, где ты был, попадают немногие. Говорят, там хранится что-то важное — потому комнату и опечатали. Понимаешь?

Внезапно телефон профессора в кармане издал «предсмертный» писк и окончательно разрядился.

— Понимаю, — ответил Джеймс, не придав значения словам старика. — Знаете, вот еще что: я не нашел ни одной розетки в своей келье.

— Оставь телефон здесь, я верну его тебе завтра, — сказал Барри, после чего скрылся в соседней комнате.

Она была меньше и напоминала жилое помещение. На стене напротив Джеймс заметил маленькую картину в широкой деревянной рамке — фотографию пары молодоженов. Он не стал больше беспокоить доктора, оставил телефон на столе и отправился к себе.

В келье было прохладно. Джеймс разделся и забрался под одеяло. Лежа на спине, он уставился в потолок — в темноте поплыли обрывки фраз доктора Слипса. Пропавший парень. Переселения. Алекс, который боится выходить наружу. Каждое камнем давило на грудь. Он пролежал так несколько часов, думая о многом, пока за окном не начало светать. Тело онемело от усталости, мысли стали совсем туманными, и, окончательно выбившись из сил, он наконец уснул.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.